

АРИНА НН

Современная русская поэзия и проза

Нижний Новгород
2013

А 79

УДК Рс

ББК 83.3 (2=Рус) 6

«Арина НН». Литературно-художественный православный альманах, вып. двадцать первый. – Нижний Новгород: ООО «Издательство «Пламя», 2013 г. – 228 с.

Главный редактор Борис Селезнёв.
Зам. главного редактора Марина Зубова.

Редакционный совет:

Валерий Сдобняков
Александр Ломтев
Диана Кан
Любовь Ковшова
Олег Захаров
Геннадий Ёмкин
Александр Высоцкий
Владимир Дорошев
Алексей Лосяков

На обложке — поэтесса Наталья Иванова.

Ответственный редактор выпуска (№ 21)

Татьяна Антипова
Корректор Татьяна Антипова

УДК Рс
ББК 83.3 (2=Рус) 6

© «Арина», 2013

© Оформление ООО «Издательство «Пламя», 2013

Литературно-художественный
православный альманах

«Арина НН»

Современная русская поэзия и проза

Выпуск № 21

Издатель:

Селезнёв Борис Анатольевич.

Адрес издателя:

603146, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 54-12.

Альманах зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации издания
ПИ № ТУ 52-0425 от 24 февраля 2011 года.

Учредитель: Б.А. Селезнёв.

Адрес редакции: 603146, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 54-12.

Контактные телефоны: 417-17-80;
8-910-395-23-12; 8-960-184- 21-50.

E-mail: basnn53@mail.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

При перепечатке материалов ссылка на «Арину НН» обязательна.

Подписано в печать. 29.01.2013 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 9. Тираж 300 экз.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Пламя»
Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, 3, ИНН 5257037107.

тературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» за несколько последних лет, книги Владимира Цветкова «Мялики – городошная династия» и другие книги нижегородских писателей. Вот что сказала, получая журналы и с любовью перелистывая их страницы, заведующая отделом литературы по краеведению и российской истории Любовь Вениаминовна Сускина: «Очень многие статьи актуальны и интересны. Имена авторов и героев статей знакомы, они звучат на всю Россию. И в то же время здесь представлено творчество многих нижегородцев. Просто замечательно, что такое издание у нас в Нижнем Новгороде есть. Всегда рады подобным подаркам! Надеемся на продолжение сотрудничества библиотеки и Нижегородской организации Союза писателей России в последующем!»

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский альманах «Бийский Вестник» (Алтайский край, г. Бийск) в № 4 (36), 2012 г. опубликовал большой фоторепортаж с XXXXVI Всероссийского Пушкинского праздника поэзии, прошедшего 2 – 3 июня 2012 г. в Б. Болдино. Информацию об этом же празднике и стихи его участников-нижегородцев (Ярослава Каурова, Натальи Стручковой, Светланы Леонтьевой, Галины Талановой, Бориса Селезнёва, Маргариты Шуваловой) с предисловием Валерия Сдобнякова опубликовал и журнал «Новая Немига литературная» (Минск) № 5, 2012 г.

Поздравляем всех членов организации с Новым 2013-м годом и желаем здоровья, благополучия и счастья в личной жизни, а также творческих успехов на литературном поприще!

Правление организации

ЛАВКА ДЛЯ ВСЕХ

Литературные альманахи и журналы, изданные в Нижнем Новгороде, сборники стихов, прозы и публицистики местных авторов теперь доступны в одном месте.

В помещении Нижегородского отделения Союза писателей (на улице Рождественской, 19 областного центра) открылась «Книжная лавка писателя».

Такая лавка у нас в Нижнем Новгороде первая за всю историю союза, со времен Максима Горького. Раньше подобные были только в Москве и Питере. Но пройти туда можно было только по удостоверению члена Союза писателей. Наша же «Книжная лавка писателя» открыта для ВСЕХ!!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора. «Жемчуг небес» 4
Александр Фигарев «Город-ключ» 5
Лариса Бухвалова «Долю выпить до дна» 17
Борис Селезнёв «Жар-птица» 31
Вера Осипова «Цветы подснежники в лесу» 41
Сергей Сухонин «Без наркоза...» 58
Анэля Крылова «Я вернусь...» 71
Владимир Лебедев «Валерий Чкалов» 88
Павел Шаров «Из старых тетрадей» 105
Владислав Колымский «Современные сказы и были» 113
Юрий Кузякин «Душой бессмертной и чистой» 124
Валерий Темнухин «Слово о полку Игореве» 135
Наталья Иванова «В огороде...» 155
Галина Букаева «Я знал, что ты меня не забудешь...» 158
Владимир Мельков «Бекетовские были» 176
Ветлужские поэты 185
Виктор Смирнов (1937-2002 г.) 187
Нина Наталушко 189
Валентина Соловьёва 195
Валентина Доброходова 199
Юрий Пшеницын 202
Виссарион Пшеницын 206
Надежда Полозова 210
Ирина Князева 214
Я живу на Ветлуге-реке 218
Информационные письма 222

ЖЕМЧУГ НЕБЕС

Постепенно вступает в свои права 2013 год. И, как правило, в Новогодней и Рождественской праздничной суете мы не успеваем заметить, что уже течёт другой год, другое время. И каждый новый год ведёт себя по-своему, имеет свой характер и нрав. Сформируется свой характер и у 2013-го. Стоит вспомнить, что уже на подступах к нему нам обещали великие чудеса («Конец света») и великие катаклизмы, в основном негативного порядка.

Чудеса, конечно, будут... да они всегда были и есть, особенно у нас в России. К слову, разве не чудо, что наша «Арина» в самые неблагоприятные для издания такого рода литературы, выходит в свет уже более 10 лет? Разве не чудо, что при упавшем интересе деградирующего социума к поэзии и стремящемуся к нулю количеству читателей, число поэтов растёт? Не графоманов (хоть и этих хватает), а настоящих самобытных и ярких талантов! Прямое подтверждение тому великолепная подборка ветлужских поэтов, которую составила не менее великолепная, сияющая красотой своей души, смиренная труженица, подвижница в области духовного делания Ольга Кисарова, — у неё, что ни поэт, — то жемчужина! А как радостно сотрудничать с такими людьми! Сам (казалось бы, рутинный) труд превращается в творчество! Мне даже порой представляется, как радуются вместе с нами и сам Пушкин, и его драгоценная няня Арина Родионовна, в честь которой назван наш альманах. Именно в наше «прагматичное», а я бы даже сказал, «циничное» время, особенно заметны, как звёздочки на чёрном фоне ночного небосвода, такие замечательные люди. Они тихо делают свою работу и даже не замечают, какое сияние излучают их души и сердца! Без этих людей — поэтов, подвижников, художников, музыкантов и всех людей творчества, какой унылой и скучной стала бы сама планета Земля! Да и сам свод небесный без них рухнул бы на неё!

Так давайте любить и беречь друг друга и всех близких своих! Давайте беречь каждую берёзку, звёздочку и строчку, дарованную нам Творцом! Давайте обнимемся и в едином молитвенном порыве восхвалим Господа! Тогда и Он не оставит нас. Новых вам творческих открытий и стихов, друзья!

Борис СЕЛЕЗНЁВ

12 декабря вышел в свет 20-й юбилейный номер литературно-поэтического альманаха «Арина» Б.А. Селезнёва, совпавший с 10-летним юбилеем самого издания.

12 декабря В.Г. Цветков принял участие в видео-конференции Нижний Новгород – Киров филиала ФГБУ «Редакции «Российской газеты» о необходимости создания в городе Государственного мемориального музея Ф.И. Шалапина.

14 декабря в Выставочном комплексе открылась юбилейная выставка Кима Ивановича Шихова в связи с его 80-летием. На торжестве присутствовали нижегородские писатели В. Сдобняков, В. Цветков, В. Шамшурин, П. Климешов и др.

17 декабря в выставочном зале Центральной районной библиотеки Автозавода открылась выставка «Трио творческой семьи». Свои произведения на ней представили Владимир Заного, Нина Жданова, Мария Заного. Выступивший на открытии выставки Валерий Сдобняков отметил, что это уникальная творческая семья, чьи произведения уже несколько раз украшали обложку журнала «Вертикаль. XXI век». Сдобняков подарил Н.И. Ждановой последние номера журнала и свою книгу «Сроки».

18 декабря В.Г. Цветков принял участие в открытии музея русской интеллигенции, духовенства и купечества имени Е.Н. Чирикова в Сормовской православной гимназии на Дубравной.

25 декабря Государственный музей А.М. Горького провёл расширенный учёный совет, на котором были подведены итоги работы за прошедший год. Отмечалось, что крепнут международные контакты музея. Так в наш город приезжали горьковеды из Китая, США, других стран. В 2012 году более 160 тысяч туристов посетили Домик Каширина, музей-квартиру Алексея Максимовича, Литературный музей А.М. Горького. Традиционно прошло награждение тех, кто наиболее активно трудился над реализацией программ музея. В заключение нижегородские литераторы подарили свои книги. Валерий Сдобняков передал в фонды Литературного музея журналы «Вертикаль. XXI век» за 2012 г. и свою книгу «Сроки», а также «Библиографию», выпущенную к 55-летию писателя и к его 35-летию творческой деятельности.

26 декабря в Нижегородском государственном выставочном комплексе открылась выставка живописных работ Альберта Дмитриевича Данилина, посвящённая его 70-летию. После торжества в мастерской художника прошло обсуждение представленных на суд зрителей картин, в котором приняли участие Валерий Сдобняков, Владимир Цветков, а также художники Ким Шихов, Евгений Юсов и др.

29 декабря в помещении Нижегородской организации Союза писателей России прошёл традиционный праздничный Новогодний вечер. Перед его началом состоялось расширенное заседание правления организации, на котором была одобрена постановка на учёт в организацию вновь принятых членов СП. В.В. Сдобняков вручил удостоверение члена Союза писателей России В.В. Ивнину, Ю.И. Хромов вручил удостоверение члена Литфонда России В.А. Лысякову. Праздничные тосты провозгласили И.К. Кузьмичёв, Л.Ф. Калинина, В.А. Лысяков (Дзержинск), М.А. Сатирская (Володарский район), В.А. Чугунов (Городской район), А.В. Фигарев, В.И. Решетников (Семёновский район), Н.В. Симонов, С.Г. Леонтьева, члены литературного кружка г. Кстова и другие.

Детская областная библиотека к Новому году получила подарок от Нижегородской областной организации Союза писателей России – номера ли-

Дорогие друзья!

От лица всех нижегородских писателей от всей души поздравляем вас с замечательным юбилеем – столетием вашей библиотеки, носящей имя русского гения Александра Сергеевича Пушкина. За этот огромный срок столько замечательных дел вами сделано, сколько доброго совершено! Скольким людям вы подарили великую радость общения с книгой.

За этот век, что несли вы свет знаний многим поколениям болдинцев, в нашей стране произошли великие социальные и политические катаклизмы. Не раз наша держава – Россия – находилась на краю гибели. Её пытались расчленили и уничтожить как внутренние враги, так и внешние захватчики. Но мы выстояли. Потому что во все времена мы хранили свою культуру, хранили русскую речь, русское слово. Но сохранить всё это без вашего очень скромного (как некоторые считают), а по сути судьбоносного труда было бы невозможно. Ведь не зря же фашистские захватчики в первую очередь на поработанных русских землях уничтожали библиотеки. Во все времена наши враги пытались в первую очередь лишить нас исторической памяти, и потому пылали в разведённых ими кострах тома Лермонтова, Лескова, Достоевского, Толстого, Тютчева, Тургенева... но в первую очередь – ПУШКИНА.

Судьбе было угодно, чтобы вы трудились на земле, освящённой пребыванием на ней А.С. Пушкина. И мы, нижегородские писатели, как и гости из многих уголков нашей страны, испытали на себе теплоту вашего гостеприимства, заботу и неравнодушие во время проведения Пушкинских праздников поэзии. И оттого не проходящую благодарность к вам храним мы в своих сердцах. Надеемся, что ещё многие годы мы будем с вами тесно и плодотворно сотрудничать.

Успехов, здоровья, счастья всем вам, вашим близким и родным.

Секретарь Союза писателей России, председатель Нижегородской организации Союза писателей России В.В. Сдобняков

21 ноября в зале Пороховой башни Нижегородского Кремля («Арсенал») прошёл творческий вечер поэтессы Светланы Леонтьевой по случаю выхода её нового сборника стихов «Материй тонких виноград...». В нём приняли участие Ирина Дементьева, Ярослав Кауров, Ирина Советова и другие.

Руководителю Нижегородской областной писательской организации СП России В.В. Сдобнякову поступило письменное предложение из Москвы войти в Комиссию по подготовке предстоящего празднования 90-летнего юбилея классика отечественной литературы, русского писателя-фронтовика, Лауреата Государственной Премии СССР, Героя Социалистического Труда Ю.В. Бондарева.

23 ноября в Гостином Дворе в рамках дней республики Саха (Якутия) в Москве прошло совместное заседание секретариата Союза писателей России и правления Союза писателей Якутии, посвящённое памяти народных писателей Якутии Семёна и Софрона Даниловых. Тогда же состоялось вручение Большой литературной премии ряду писателей, среди которых были и члены общественно-редакционного совета, постоянные авторы «Вертикали. XXI век» Ю.В. Бондарев и Б.И. Лукин. В этот же день специального знака в честь 380-летия добровольного вхождения Якутии в состав России был удостоен А.А. Парпара. Затем состоялись представления книг народного поэта Якутии Натальи Харлампьевой и народного писателя Якутии Николая Лугинова. В торжественных мероприятиях принял участие Председатель Нижегородской организации Союза писателей России В.В. Сдобняков.

Имя Александра Фигарева хорошо известно любителям поэзии. Он лауреат премий им. А.М. Горького, А.И. Люкина и Б. Корнилова. За книгу стихов, поэм и сказов «Город-ключ» он уже вторично был награждён «Премией Нижнего Новгорода»

Эта подборка стихов Александра Фигарева посвящена 45-летию его творческой деятельности (начиная с первой публикации в газете «Ленинская смена») и 30-летию пребывания в Союзе писателей России.

ГОРОД-КЛЮЧ

Покрытый вековым туманом
Лет и легенд родной земли,
На Ярмарке тебя «карманом»
Купцы однажды нарекли.

Но ты, прозваний удостоен?
Получше у людей спроси:
Ты «Город-камень», «Город-воин»
И «Город-ключ всея Руси».

Пусть это главное значенье
Прозванья примет новый век,
Ведь здесь сомкнулись два течения
Двух русских и великих рек.

И стали Волгою — «вологой»,
Что значит «влага» иль «вода»,
Всех жаждущих, а нас так много,
Пои нас Волга как всегда.

Наш Нижний Новгород, прозваньем
Загадочно-прекрасен ты.
Так утоляй нам жажду знания,
И жажду счастья, красоты.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я в Болдино который раз приехал,
И время вдруг остановило бег,
Где Пушкина стихи звучат, как эхо,
В стихах твоих, наш двадцать первый век.

Парит в июньском небе, словно птица,
Здесь Пушкина высокая душа.
Не выпало нам в Болдине родиться
И вдохновенным воздухом дышать.

И всё-таки под этим небом чистым,
Поэзии России дорожа,
В Лучиннике, совсем как лицеисты,
Пред вечностью экзамен нам держать.

Но, словно чашу из воды и света,
Ликуя, ливень опрокинул Бог —
Сегодня День Рожденья у Поэта,
Бессмертен Пушкин и не одинок!!!

ЕСЛИ БЫ...

В Болдино примчалась Натали,
Прорвалась сквозь разные преграды.
И стихи писать уже не надо —
Пушкин не касается земли.
Он летает, как в 17 лет,
Носит на руках её, целует.
И она прекрасней, чем портрет
Той святой, к которому ревнует.

Александра Сизова принял участие в юбилейных «Сизовских чтениях». В них также участвовали руководители местной Администрации, сотрудники музея А. А. Сизова, исследователь его творчества С.А. Першин, педагоги и школьники средних общеобразовательных школ.

23 октября С.П. Чуянов и В. Г. Цветков встретились с почитателями таланта замечательного поэта, прозаика, краеведа и художника Ю.А. Адрианова в библиотеке его имени Северного посёлка Автозавода. Встреча посвящалась теме: «Юрий Адрианов и средства массовой информации».

1 ноября в селе Мугреево-Никольское Южского района Ивановской области состоялось открытие памятника героям Нижегородского ополчения К. Минину и Д. Пожарскому. На сегодня это единственный памятник, воздвигнутый в России в канун знаменательного торжества – 400-летия великой народной победы над иноземными захватчиками. Памятник представляет собой Поклонный крест, по центру которого в стилистике русского средневековья и православной иконописи изображены народные герои Минин и Пожарский. Сам крест отлит из металла особого сплава и воздвигнут на высокий каменный постамент. Автор монумента – известный скульптор В.П. Мокроусов, который имеет многолетний опыт восстановления Храма Христа Спасителя в Москве.

На открытии памятника и в последующих торжественных мероприятиях приняли участие члены делегации из Нижнего Новгорода во главе с секретарём союза писателей России, председателем Нижегородской областной писательской организации В.В. Сдобняковым. Перед собравшимися торжественно выступил известный нижегородский поэт и композитор Сергей Скатов.

«Нижегородская правда» № 120 (25584), 3 ноября 2012 г.

7 ноября Лысково. М.А. Сухорукова и В.Г. Цветков приняли участие в краеведческих чтениях, посвящённых 250-летию со дня рождения Г.А. Грузинского: «Князя Грузинские на Лысковской земле».

12 ноября На «Радио России» в прямом эфире прошла радиопередача «Доживём до понедельника. Ведущая – Татьяна Михайлова. В разговоре на самые острые темы, касающиеся проблем современного российского общества, приняли участие заместитель председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Владислав Иванович Егоров и председатель Нижегородской организации Союза писателей России Валерий Викторович Сдобняков.

15 ноября М.А. Сухорукова и В.Г. Цветков приняли участие в открытии памятной доски на здании Нижегородского театра комедии на улице Грузинской князю Георгию Александровичу Грузинскому в связи с 250-летием со дня его рождения и заметным вкладом в историю Нижегородчины.

18 ноября в Центре писателей имени П.П. Штатнова г. Кстово состоялась презентация нового сборника стихов «Точка сближения» талантливой местной поэтессы М.В. Шуваловой, в которой приняли участие её коллеги, поэтессы из Нижнего Новгорода С.Г. Леонтьева и Л.Ф. Калинина.

19 ноября 2012 года Коллективу Центрально районной библиотеки им. А.С. Пушкина Большеболдинского района Нижегородской области.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

603001, г. Нижний Новгород,
ул. Рождественская, д. 19
31 декабря 2012 года

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО № 5

«Високосная радуга» называется ещё один сборник стихов одного из старейших поэтов писательской организации Н.А. Бондаренко, вышедший в Санкт-Петербурге. До него был «Болдинский листопад».

30 сентября в Центральной районной библиотеке города Богородска имени С. Я. Маршака состоялась творческая встреча читателей с известными нижегородскими поэтессами – Людмилой Калининой, Светланой Леонтьевой и Маргаритой Шуваловой (г. Кстово).

1 октября В.В. Сдобняков и М.А. Сухорукова приняли участие в митинге и молебне у Архангельского собора Нижегородского Кремля и храма Рождества святого Пророка и Предтечи Иоанна, в связи с отправлением Крестного хода по маршруту Нижегородского Ополчения, посвящённого 400-летию подвига нижегородца Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского по освобождению Русской Земли от польско-литовских захватчиков в Смутное время начала XVII века отечественной истории.

5 октября руководитель Дзержинского городского литературного объединения «Русский огонёк» поэт В.А. Лысяков выступил перед читателями в библиотеке имени Зои Космодемьянской г. Дзержинска.

8 октября в Доме актёра Нижнего Новгорода состоялся творческий вечер поэтессы Ирины Дементьевой, в котором приняли участие Людмила Калинина, Светлана Леонтьева, Николай Симонов, Евгений Эрастов и другие.

11 октября руководитель Дзержинского литобъединения «Русский огонёк», поэт В.А. Лысяков, выступил в местном профилактории «Витязь».

11 октября состоялась творческая встреча поэтессы Светланы Леонтьевой с читателями в библиотеке имени А.С. Макаренко Автозавода.

14 октября Людмила Калинина провела мастер-класс в Кстовском Доме писателей имени П. П. Штатнова.

«Стежю света» называется новая книга стихов прозаика, поэта и художника П.А. Климешова, увидевшая свет в нижегородском издательстве «Камена». Она уже вторая в этом году. Первой была книга прозы «Свет неугасимый».

Вышел в свет очередной, **37-й номер** литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» с новой повестью Владимира Чугунова «Забавная история», большим очерком А.А. Парпары «Герои войны 1812 года», стихами Владимира Шемшученко (Санкт-Петербург), Ивана Тertyчного (Москва), Анатолия Аврутина (Минск), Бориса Селезнёва и Марии Сухоруковой (к юбилею поэта); беседами главного редактора журнала В.В. Сдобнякова с художниками – Виктором Калининым (Москва) и Кимом Шиховым и другими критическими, полемическими и краеведческими материалами.

19 октября руководитель Дзержинского литобъединения «Русский огонёк» поэт В.А. Лысяков по приглашению Варнавинского районного Отдела культуры и Центральной районной библиотеки посёлка Варнавино имени

Натали, поэта окрыляй —
Стань живою песней неизвестной.
И в одном седле по всем полям
Пушкин мчится с юною невестой.
Он её не выпустит из рук,
Ощущая трепетную руку.
Пусть шумит сановный Петербург —
Гончарова выкинула штуку,
Пушкину характером равна.
Натали упряма и прелестна.
Не жена — покуда не жена.
И, конечно, больше чем невеста.
Натали — горящая свеча
В белом платье, словно в первом снеге.
Болдинский священник обвенчал
Барина и барыню навеки.
Жизнь в глуши — она прекрасней снов,
Пушкин смотрит на жену, не дышит.
И пускай беснуется Плетнёв —
Пушкин больше строчки не напишет.
Не проси, издатель, не проси
Ты уже поэму у поэта.
Счастье, словно солнце на Руси
В октябре, и не случайно это...
Да! Не прилетела Натали
Сквозь тоску, кордоны и упрёки.
Всё же нет прекраснее земли,
Где родились пушкинские строки!

ХОЛЕРА

Юрию Жулину

Приняты крутые меры,
Чтоб не вымер весь народ:
С карантином от холеры —
Стража, пеший не пройдёт.

В Болдине, где заперт Пушкин
Средь осенней красоты,
Для него друзья-подружки
Лишь бумажные листы.

И фантазии поэта
Разгуляться есть простор.
Только ярмарка! Об этом
Буйстве знал он с давних пор.

И зачем страдать напрасно,
Лучше в тот круговорот.
Вот уже в рубашке красной
Он вступает в хоровод.

Пляшет, а в девичьем смехе
Снова юн — давай ликуй!
Дарит пряники, орехи
За весёлый поцелуй.

«Может, то цыган гуляет? —
Удивляется народ —
Ничего не покупает,
Ничего не продаёт.

лантливая, общительная, весёлая, зажигает всех своим юмором и оптимизмом. Стихи пишет давно. Поэзия её искренняя, своеобразная, проникнутая любовью к природе, людям, животным. Автор остро чувствует настроение и глубину мыслей, человеческих переживаний. В поэзии обнажается ранимая душа.

Наталушко Нина Павловна – учитель-филолог высшей квалификационной категории. Автор нескольких элективных курсов. Сейчас пенсионер. Стихи, полные грусти и восторга перед мельчайшими открытиями. Поэзия глубокая. В душе автора – любовь ко всему живому на земле. Обнажаются бытовые и философские проблемы. Тематика проникнута мировоззренческими идеями и миром души. Ее творчество – это опора на Божественные истины, вечный поиск лучшего в обществе и в человеке.

Юрий Николаевич Пшеницын.

Вот что пишет младший из них Юрий о себе: «Любовь к природе и родному краю дает огромный потенциал для творчества, и я стараюсь передать в стихах то, что чувствую в своей душе». Отраднo, что люди они православные, и это тоже находит отражение в их стихах. Наши читатели очень любят стихи братьев Пшеницыных.

Виссарион Николаевич Пшеницын.

Сельский поэт, очень любимый читателями. Его стихи отличаются глубиной чувств и мыслей, жизненной правдой, мудрой философией и грустной иронией. Он участник различных поэтических конкурсов, где всегда занимал призовые места. Его произведения включались в различные областные и районные сборники.

Кисарова Ольга Васильевна – учитель русского языка и литературы Макарьевской СОШ

Князева Ирина Александровна живёт в живописном селе Бельшево. Удивительная ветлужская поэтесса, творчество которой очень любимо читателями. Ее стихи подкупают жизненной правдой, душевной теплотой и простотой, добрым юмором и оптимизмом. Несколько лет жила в Сыктывкаре и работала журналистом, вернулась на родину к стареющей маме. Полная впечатлений о северной природе, как будто дополнила свой поэтический багаж новой экзотикой и необычностью. Стихи её живописные, полные художественных средств, отличаются особым звучанием и оригинальностью тем. Часто использует приём «танке». Тематика произведений разнообразна. Она увлеченный человек, влюбленный в природу, мастерица на все руки и художница. Выросла в деревне и всей душой полюбила ее. В 2006 году вышел сборник ее стихов «Узор из лоскутков».

Соловьёва Валентина Владимировна тоже живет в этом лесном краю, в селе Мошкино. Учитель иностранного языка высшей квалификационной категории. Сейчас на заслуженном отдыхе. Заметная, активная и очень лиричная, тонко наблюдает за явлениями природы, чувствует окружающий мир в соответствии с личными переживаниями. Тематика стихов разнообразная. Ее произведения входят во многие поэтические сборники.

Полозова Надежда Васильевна – учитель истории Ветлужской средней школы. Стихи её о родном крае насыщены яркими художественными образами, сочные, овеянные музыкальными ритмами. Очень оригинальные метафоры. Много произведений исторического характера. Поэтесса использует тонкий юмор и необычные эпитеты. Образы запоминающиеся, яркие.

Доброходова Валентина Николаевна – учитель начальных классов Бельшевской средней школы. Та-

Только слушает побаски,
Песни, что поют везде».
Вон рассказывает сказки
Дед-забавник о Балде:

«Не поверите — проверьте,
Заплати лишь хорошо!»
А «цыган» проворно чертит
В книжечке карандашом.

Говорит: «Вот две полушки.
Приходи в господский дом,
Людам скажешь: вызвал Пушкин.
Сказку скажешь мне потом».

Вместе с дедом, без опаски
Скомороший люд валит.
«Что за прелесть эти сказки!» —
Пушкин дядьке говорит.

А Никита молвил слово:
«Вот придёт моя родня,
Что-то знаем мы, Козловы,
Слушать всех не хватит дня!

Эти сказки да побаски,
В них усмешка, простота.
У тебя же лучше сказки —
Волшебство и красота!»

— «Про Руслана и Людмилу
Здесь не хочется писать.
То, что было — стало мило.
В сказках ваших вижу стать,

Точность, образность и силу,
И просторы без конца.
Сказкой матушка Россия
Нам наполнила сердца.

В сказке шутки нет полезней,
Всех она развеселит.
От печали и болезни
Смех любого исцелит».

Пушкин радостно смеётся,
Пишет ночи напролёт:
«Ай да мы — нижегородцы!
Нас холера не берёт!!!»

БЕРЕЗЫ ПУШКИНА

*Рассказывают, что Пушкин
Записывал стихи на берёзах...*

А сердце
Полнится Россией:
Стихи — стихиям всем
Сродни.
Нет под рукой пера гусяного.
Лишь лес
Да пажити одни.
Какое чувство
Он испытывал,
Что на берёзовой коре
Некрепкой
Палочкой графитовой
Писал
Про осень на дворе!

ратурных конкурсов. В своем творчестве наши поэты и прозаики выражают свою искреннюю любовь к родине, пробуждают в людях добрые чувства и мысли.

«Земляки мои, будьте счастливы! Мы живем на Ветлуге-реке!» — так пишет один из любимых ветлужанами поэтов Виссарион Пшеницын.

Эмма СОРОКИНА

НЕОБЫЧНЫЕ ПОЭТЫ

Действительно, Ветлужский край необычный, проникнутый каким-то странным волшебным светом. Здесь даже воздух особенный. Что заставляет поэтов рождаться на ветлужской земле? Да всё! Ключи, деревья, река, лес, листья, травы, птицы вбирают в себя самое светлое и чистое от небесной музыки, поэт переносит на себя это волшебство и сам становится как бы ангелом с поднебесья, будто получает какую-то неземную книгу, расшифровывает её и передает людям.

Вот они, наши *поэты*:

Виктор Александрович Смирнов. Уроженец Костромской области, проживавший почти на границе с Ветлужским районом, где прошла его студенческая юность. Считал Ветлугу второй родиной. Талантливый деревенский поэт, о котором писатель *Виктор Астафьев* сказал такие слова: «Стихи Виктора Смирнова – это слеза России, которая камень точит». Сам Виктор Смирнов говорил о себе: «... Боль за исчезнувшие деревни, за многострадальную землю не покидала и не покидает меня до конца моей жизни». Это певец нашей печальной деревни, безвременно ушедший из жизни.

У В.Смирнова неоднократно выходили сборники стихов, а также они включались в районные поэтические сборники и даже звучали на радио России в передаче «*Золотой запас России*» (была такая передача).

«Я ЖИВУ НА ВЕТЛУГЕ-РЕКЕ...»

Так вот с гордостью скажет любой ветлужанин. И в этом выразит преданность и сыновнюю нежность к малой своей родине. А вот юная ветлужанка Екатерина Шкарина, студентка академии им. Гнесиных, на одном из своих концертов сказала так: «Когда в Москве мне напоминают, что я нижегородка, с гордостью поправляю: «Я ветлужанка! Хочу, чтобы о Ветлуге, такой милой моему сердцу, знали повсюду!»

Откуда же такая любовь у нас к родному краю, к родной Ветлуге? Она в наших генах от предков, от тех, кто осваивал эти, когда-то глухие, лесные места, кто был очарован необыкновенной природной красотой реки Ветлуги, воспетой позднее В.Г. Короленко, бывавшем на ее берегах. И она, эта река, «как живое существо, вмещает и воплощает в себе огромные энергетические силы и создает особый природный и духовный климат». Так написала о родной реке местный прозаик Э.Н. Сорокина. Река Ветлуга, окружающая природа, сам воздух Поветлужья с детства вливают в людей природные таланты, красоту, доброту, возвышенность чувств и мыслей. Недаром на ветлужской земле так много поэтов, художников, музыкантов, мастеров-умельцев и вообще талантливых людей.

Литературная, музыкальная, сценическая жизнь Ветлуги имеет свои давние традиции. Здесь всегда существовал и существует народный театр, хореографические и вокальные коллективы, юные ветлужские таланты учатся в высших учебных заведениях.

В настоящее время в нашем районе плодотворно работает в области поэзии и прозы целая группа одаренных людей, букет искренних творческих голосов. Их произведения не раз включались в различные сборники областного уровня. Они были призерами многих лите-

Берёзы
Полыхали свечками,
И не в альбомы
Светских дам
Писал он
Эти строки вечные,
А их
Читали по складам.
Вихрастый мальчик
Из-за хутора,
Крестьянин,
Что забрёл сюда.
Те строчки,
Что порою утренней
Горят,
Как ясная звезда,
Что под метелями
И грозами
Видней
Становятся для нас.
Растут.
И мы растём
С берёзами —
В рассветный,
Самый добрый час.

У РОДНИКА

Печаль мне Лучинник излечит,
Где падают искры с ветвей.
Где светят берёзы, как свечи,
Над памятью вечной своей.
Стихи здесь — природы частица,
Где жилкою бьётся строка.
Здесь нам суждено причаститься
У пушкинского родника.
И сердцем нельзя не проснуться,
Очнуться, помолодеть —
Когда удалось прикоснуться
К прозрачной, кипучей воде.
...Уехали стайкой поэты.
С Лучинником наедине
Родник остаётся. Монеты
И листья мерцают на дне.
Вернулись опять листопады,
Уже шелестят над прудом.
Как слышно дыхание сада,
И смолк в ожидании дом.

Для центра ты – далекая провинция,
Для нас же – центр России и земли.
Нам дорог твой неповторимый облик,
Твоих домов неброская краса,
Где радует цветами каждый дворик,
А в окнах голубеют небеса.
Года уходят, торопя друг друга,
Но не стереть им этой красоты!
Живи в веках, сударыня Ветлуга,
Храни неповторимые черты!

Но отжили срок, отшумели,
Последним листочком шурша,
Утратили все, что имели,
Но где-то личинкою в теле
Древесная тлеет душа.
Коряги – чернушки-старушки,
В них души клубятся, как дым.
Недаром ночами гнилушки
Сияют огнем голубым.
Найду я такую гнилушку,
Лохмотья и гниль удалю,
Очищу заснувшую душу,
Заклятие смерти нарушу
И новую жизнь подарю!

ВЕТЛУГА

Не госпожой, не дамой, а сударыней
Позволь тебя, Ветлуга, величать.
Стихов и песен, что тебе подарены,
Пожалуй, невозможно сосчитать.
Все лучшие слова как будто сказаны,
Но, видно, велика к тебе любовь,
Коли стихами, песнями, рассказами
Тебя мы величаем вновь и вновь.
Для многих ты простая и обычная,
Получше бы найти себе взамен
И все свои старинные обычаи
Утратила б под грузом перемен.
Но нет! Живут в веках твои традиции,
У них, народных, мудрости займи.

УРОК

*Моей матери, учительнице
Галине Дмитриевне, посвящается*

За окном со свёклой грядки,
Осыпается листва.
На берестяной тетрадке
Пишут школьники слова.

Сажай пишут, сдвинув брови,
Сжав гусиное перо.
И луна средневековьем
Смотрит позднею порой.

Буквы еле различимы.
Женщина кремень берёт.
Вспыхнет, высветив, лучина
На доске слова: «Народ.

Мама. Родина. Победа».
(где-то воеет самолёт)
Дети молча пишут. Это
Страшный сорок первый год.

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

В белом пламени плавают дали,
Лес в метели завяз на корню.
Семь ветров на меня налетали,
Только я головы не клоню.
Вся в сувеях дорога до цели.
Дома ждут, разогрели обед.
Эх, с дороги постель мне постеляют,
Но пути окончания нет.
Я войду, распахну дверцы печки
И взглянусь в жаркий танец огня.
Долгий путь. Ожидание встречи.
Очи мамины ищут меня,
Словно звёзды, мерцают слезами,
Не давая мне сбиться с пути.
Я иду не куда-нибудь — к маме!
А куда же мне, братцы, идти...

МАМЕ

Снег качается, словно туман
В свете окон, в предутренней мгле.
Но представить не хватит ума —
Ты уже не живёшь на Земле.

Сходишь снегом сейчас с высоты,
Осторожно, боясь, что не спим.
Укрываешь неслышно кусты
Одеялом нетканым своим.

Лесами брожу без опаски и страха,
И душу уверенность греет лучом,
Что ближе всего не родная рубаха —
Мой Ангел-Хранитель за правым плечом.
А если дремучее зло одолело
И в сердце мне клюнуло черным грачом,
Я плюну усердно три раза налево,
Ведь Ангел-хранитель над правым плечом!

*И.Князева может сделать из каких-то сучочков,
корешков чудесные сказочные фигурки-образы.
И всегда она дарит их друзьям.
Вот об этом ее стих. (О.К.)*

ЗА ЖИВОЮ ДУШОЙ

Минуя полянки, овраги,
По лесу бреду, не спеша.
Ищу я сучки и коряги,
В которых живая душа.
Они по кустам затаились,
Во мху и в лохмотьях коры,
Своей нищеты застыдились,
Как будто такими родились
И к миру совсем не добры.
Забыли они, что недавно
И сами звенели листвою,
Весной зацветали нарядно
Средь братии шумной лесной.

УЗОР ИЗ ЛОСКУТКОВ

Из тайников моей души, из закутков
Я доставала связки слов, как лоскутков.
Иглою мысли, нитью пройденных дорог
Сшивала я свои стихи к стежку стежок.
Не благородных тканей были лоскутки:
Не шелк, не бархат, не муара лепестки,
Был пестрый ситчик нераспаханных полей,
Сатин из листьев деревенских тополей,
Небес июньских голубое полотно,
Тропинок сельских домотканое рядно.
На всю отделку – лента синяя реки
И вместо кружева – ромашки, васильки.
Пока стежок к стежку я шила не спеша,
Уже исколоты и пальцы, и душа.
Как нелегко отринуть суетность грехов,
Так нелегко ваять мозаику стихов
Из тайников моей души, из закутков.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Жизнь разной бывала –
Паденья и взлеты,
То перышком гладила, то кирпичом,
Но мне помогал неустанной заботой
Мой Ангел-Хранитель за правым плечом.
Срывалась в колодец, с подножки вагона,
В канаву с машиной – но все нипочем,
За шкуру вытаскивал старый знакомый
Мой Ангел-Хранитель за правым плечом.

... В платье белом уходишь одна
Среди звезд, что над тучей горят.
Скоро утро, а я у окна
Провожая ночной снегопад.

САМЫЕ РУССКИЕ

Как-то раз небес покинув синь,
Сквозь зари негаснущее пламя,
Шёл Христос с котомкой по Руси,
Плакал над бурьянными полями,
Плакал над заброшенным селом,
Где ещё покуда живы люди.
От Христа как будто рассвело
В полумраке беспросветных буден.
Русь жалея, не трещал мороз.
Как иконы, люд глядел из окон:
— «Не бросай — не покидай, Христос!
Наш Спаситель, как нам одиноко!
Если весь рассеется народ,
То крестьяне быть должны с тобою.
Кто нас перед смертью отпоёт,
Самых русских, брошенных судьбою?»
На земле не слышат голоса
Тех, кому помочь сегодня стоит,
Кто уходит тихо в небеса,
В Царствие Небесное, святое...

РОССИЮ НЕ ПОКИНУЛ БОГ

Мы не похожи на хозяев
В родном доме, который год.
Уже странною негодяев
Россию негодяй зовёт.

Уж привиденья неживые
Из разных стран стремятся к нам,
Чтобы поднять ресницы Вию
И осквернить высокий Храм.

Всё больше тех, которых чернью
Когда-то Пушкин называл.
Они, как бесы, в час вечерний
Спешат на шабаш-карнавал.

Но Совесть есть на белом свете, —
Россию не покинул Бог,
Раз Пушкин, как и солнце светит,
И есть у нас Есенин, Блок...

Пускай качаются основы,
Но терпелив и мудр народ.
Не сломлен Дух, и зреет Слово,
И Делу будут свой черёд!

МОИ УЧЕНИКИ

Ах, эти сентябри, учительские вехи...
Ребятчи голоса тревожат и манят.
Мои ученики, мое земное эхо,
Вы в памяти моей, вы в сердце у меня.
Мир добрых детских глаз правдив
и бескорыстен,

Наивен, шаловлив в ребячестве своем.
Мир взрослых – он другой.
Иные взгляды, мысли.
Как часто, повзрослев, мы детство предаем.
Таков указ судьбы: учить и расставаться.
Наказ учеников: душою не стареть.
И каждую весну мне, как и им, семнадцать.
И в каждом сентябре мне снова десять лет,
И новый пятый класс сентябрь ведет, ликуя.
Правдивый детский взгляд доверчив,
чуток, чист.

Мне б их не подвести, об истинах толкуя.
Их души предо мной – бумаги чистый лист.

СВЕТЛОЯР

Для кого-то Балхаш,
Для кого-то Байкал...
Чью-то память и сердце
Тревожат озера иные.
Мне же в душу запал
Навсегда Светлояр –
Голубая слеза
На щеке у заволжской России.
Храмов китежских звон
Слышен здесь в плеске волн.
Тот малиновый звон
Слабым эхом плывет над лесами.
В глубине этих вод
Древний Китеж живет
В голубой тишине
Под охраной веков и сказаний.
Если праведно жил,
Честно людям служил,
А у власти ходил
Не в героях, а в гордых изгоях —
Ты приедешь сюда, и святая вода
Зарубцует минувшие раны
И душу омоет.
Моя светлая Русь!
Сбрось усталость и грусть.
Ты в минувших веках
Не с такою справлялась бедою.
Всею грудью вздохни,
К Светлояру прильни
И воскресни!
Его причастившись водою.

«ДОЛЮ ВЫПИТЬ ДО ДНА»

*Баба с воза – кобыле легче.
(пословица)*

Я – баба, упавшая с воза, –
кусочек загадочной тьмы.
Как русские наши берёзы,
летающая в небо из мглы.

Парящая в космосе звёздном,
как лодка на всех парусах.
По хляби дорог многослёзных
с соломинкой слов в волосах.

Я – баба, летающая в небо,
как вспыхнувший хвост НЛО.
И в руки надёжные мне бы
побольше, покрепче весло.

На скорости взмыть – с паровоза,
что в грозную темень спешит.
Да будет полёт неопознан,
как кремень кромешной души.

Так бабе летающей поётся,
про речку, про лес, про холмы.
Простите, когда мне придётся
упасть на кого-то с Луны.

Я – баба, подвластная небу.
И делаю всё, что хочу.
Я с вами в колхоз не поеду!
Я лучше на Марс улечу!

ТРИ ПОЭТА

*Александрю Кутумову,
Борису Селезнёву,
Алексею Лосякову*

Три поэта сидели
За вечерним столом.
Три души, три метели,
Думы три об одном —

три родимых собрата,
загрустивших во мгле,
о распятой стократно
их любимой земле.

Три поэта – три света.
И — в ночи возгорев,
от любви беззаветной,
заклубился их гнев.

И решили престрого —
в небеса грифельком,
прямо Господу Богу,
написать обо всём.

С этих дум воссияли
у церковей купола,
начертать сподобляя
непростые слова.

То вскрепчали их раны,
Суд ведя над собой.
И сдвигались стаканы
с непростою судьбой.

Заночевавши среди стогов,
Навеет запах сенокоса.
Тут птичьих трелей череда
Слышнее городского шума.
Устанешь – приезжай сюда:
Здесь так легко читать и думать.

ИМЕНА

Имена, имена, имена...
Как их много на мраморных плитах!
Побратала навеки война
Земляков, что на фронте убиты.
Уроженцы ветлужской земли,
Вы домой не вернулись из боя,
Под Москвой и под Брестом легли,
Заслонив мать – Россию собою.
Подполковник, сержант и солдат —
Рядовые военных окопов,
Где-то в братских могилах лежат
На бескрайних просторах Европы.
А в Ветлуге, родной стороне,
Есть другая могила без праха,
Чтобы матери, детям, жене
Было где постоять и поплакать.
Имена, имена, имена
В деревнях, где без праха могилы.
Восемь тысяч забрала война,
А шестнадцать на фронт уходило.
Где вы насмерть стояли, сынки,
Там фашистская армия гнулась.
Уходили на фронт земляки –
Половина назад не вернулась.

ВЫПУСКНИКАМ

Уходите...
 Я вслед смотрю с тревогой,
 Грусть расставанья с радостью смешав.
 В задорных лицах, умных, добрых, строгих,
 Ищу приметы бывших малышей.
 Мы рядом шли семь лет, семь зим.
 На взлете
 Мерцало время, будущим маня.
 Сейчас вам не понять, потом поймете:
 Вы были целым миром для меня.
 От школьных парт, от маминых ладоней
 Уходите беспечно и легки...
 Пусть серость ваши души не затронет.
 Пусть светят вам удачи маяки!

ВЕТЛУГА

Его не просто отыскать
 На карте среди гигантов стильных.
 Стоит отшельнику под стать
 Мой городок – дитя России.
 Подковой леса окружён,
 Рекой Ветлугой убаюкан,
 Он в летний бархатный сезон
 Даст фору всем курортам юга.
 Здесь ночи свежи и тихи –
 Их века гарь не замутила.
 Тут ранним утром петухи
 Приветствуют восход светила.
 И ветерок, шалун лугов,
 Искупанный в июльских росах,

Было горько от были,
 что страна их – одна.
 И поэты решили –
 Долю выпить до дна!

И скрепились в пожатье
 три горячих руки.
 И вскричали, рождаясь,
 их святые стихи.

Так вкусили от неба
 они хлеба ломоть,
 что во мгле предрассветной
 их услышал Господь!

Когда в вечности где-то
 не молчал, не грустил —
 для детей и поэтов
 Он листву золотил.

От речей их удалых
 Он, Господь, возопил
 И, с горячим металлом,
 в гнев чашу разбил!

— Так доколе пребудет
 в мире алчность и скорбь !?.
 Не молчите Поэты –
 ныне с Вами Господь!

НА КРЕЩЕНИЕ

Боже Престрогий, прости и спаси –
видишь – Крещение новой Руси.

Бедный народ мой, молись, не горлань,
что холодна, аж кровит, Иордань.

Вы же хотели – в Великой стране...
Кто не причастен - катитесь к себе

в Грецию, в Турцию, в плюшечный сон...
А по Рассеюшке – песенно – стон.

А по Оке от Орла – всё кресты -
Крёстные ходы, мужичьи персты,

Бабы подолы в промёрзлой воде,
Звёзды молитв в индевелой слюде.

Вьюгой подёрнуты тропы, пути –
Как оно – в Божие Око войти?!

Душный-предушный снежиночный хлеб –
Плещется горькое Око судеб.

Стынет – слышать, где закончится счёт –
к Нижнему, к Минину Око течёт.

Смотрит с небес от мороза бело –
лютое Око – второе Его.

* * *

Кто-то сеет зерно, кто-то пишет стихи,
Лечат душу провидцы и знахари,
Только я не пойму, за какие грехи
Бог карает поэтов и пахарей.
Ведь ни тот, ни другой не украл самовар
И окно не разбил у соседа.
Господин земледелец, на свой гонорар
Сколько раз вы смогли пообедать?
Госпожа поэтесса, ваш банковский счет
Увеличился с изданных книжек?
Лес шумит, и река нефтяная течет,
И прекрасное завтра все ближе.
И все ярче, сильнее рекламных огней
И дома-терема слева, справа.
Мы любили державу, мы верили ей,
Но распалась моя держава.
Не хочу разбирать это слово: распад.
Я грамматику помню на тройку.
По осеннему лесу бреду наугад,
Как последний герой перестройки.
А в лесу тишина. Только дятел стучит
На сосне, летним громом расколотой.
И молчит землепашец. И муза молчит.
Но всегда ли молчание золото?

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

Тетрадь подвинув к огоньку,
Скупым уютom обогреты,
Вершат заветную строку
Провинциальные поэты.
Вершат, вершат, чтоб совершить
Не ратный подвиг, а явление,
В котором нить стихотворения
Есть продолжение души.
Пусть кто-то скажет, что душа
В наш грубый век – она не чтима,
Пока наш век не схлынул мимо,
Вчитайтесь в строчки не спеша.
Средь суеты никчемных дел,
В аду, где страшен лик наживы,
Есть вечных странников удел
Творить добро, пока мы живы.
Лес, поле, чистая река
И городок в глуши России,
И в нем свечой неугасимой
Горит поэзии строка.

РОССИИ

Да будет царствие твоё, Россия, будет...
Ведь говорят – тебя Господь всех больше любит...

Тебе Владычица сама торила тропы.
Не преклонялась дева-Русь к ногам Европы.

Какою гордою была, под парусами!
Как поднимала над собой Святое Знамя!

Но завелись в тебе враги, как тараканы.
Прижали исподволь главу к стопам поганым.

Кричи, рыдай – от песьих рыл не отвертеться.
Каких змеюк уберегла, прижала к сердцу!

Да полюбила, как сирот, врагов заклятых.
Гляди, родимая – мертвы твои щенята!

Как указали на порог – прочь от калитки —
Не удивляйся, что они собой двулики.

Поди, болезная, поди, на смех татарам.
Поди, на край родной земли, в Сибирь – на нары!

Там есть где век доживать. Там много клеток!
Молись, родимая, молись... за мёртвых деток.

ГОРОДУ ПАВЛОВУ

Город модный, город удобный.
Как тебя мне ещё назвать?
Ты послушай, мой город скромный,
что хочу я тебе сказать.

Без узорчатых дифирамбов.
Что имеем, то и храним.
Хоть поэтом с тобою сравнен
был когда-то и город Рим.

Ты прославлен, ты и ославлен,
город символов и идей.
Сад лимонов, лубочных ставень
и порушенных в грязь церквей.

Продан, выменян и разделен
твой с приокской дугою взор.
Так ты смотришься в самом деле
с тех, кудыкинских барских гор.

Как ты меркнешь в рекламах ярких,
со страну летя в провал...
Кто на лестнице в супермаркет
кузнеца твоего приковал?!

Как на паперти грязный нищий,
в кузне древней забыв огонь,
он глазами кого-то ищет
и протягивает ладонь.

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

То поземка над пашнями стелется,
То туманы потянут с реки.
В Голубихах, Волынцах да Стрелицах
Поживают, живут старики.
Не в дворцах, в деревянных избушках
Берегут старики старину.
Молодыми из края ветлужского
Уходили они на войну.
Уходили, не знали, надолго ли,
Суждено ли вернуться назад.
Полыхали пожары над Волгой,
Фронтная гремела гроза.
Черный ворон кружил над воронками,
По воде расходились круги...
Чьи дома обошла похоронка,
Там сегодня живут старики.
Ветераны войны, ветераны,
Взгляд усталый, негромкая речь.
Нюют к вечеру старые раны,
В старой баньке не топлена печь.
И отправятся с внуком попариться
По-крутому, всерьез, в две руки.
Вам бы жить да вечно не стариться,
Дорогие мои старики!
Вам бы греться под ласковым солнышком,
Слушать сердцем, как дышит земля,
Наливается колос из зернышка
На ухоженных мирных полях...
Но весной в крутоярах ветлужских
Подмывает деревья вода,
И кукуют тревожно кукушки,
Пересчитывая ваши года.

ВЕСНА

Я считаю, что очень правильно
Мать-природа вершит дела —
От Ветлуги и до Варнавина
Вновь черемуха расцвела.
Все живое в движенье верует,
Речка вдаль летит напролом,
Гуси-лебеди мчатся к северу,
Сизый селезень бьет крылом.
За разливами, в чаще ельника
Все по правилам, все, как встарь.
Вызывает на бой соперника
Рыцарь – тетерев и глухарь.
Ходят галки по свежей пашне,
В поле тянется след колес.
Будем верить, что день вчерашний
Все обиды с собой унес.
Все ошибки, грехи и промахи
Ледоход разбил на куски.
Над Ветлугой цветет черемуха,
В воду падают лепестки.

Своему ли подвластен крову?
Где, под крышею чьей живёт?..
И для счастья кому подкову
он на лестнице той куёт?!

В полнолуние, судьбу примеряя,
загасив о ступень печаль,
он бы молотом грозно в двери
тому барину постучал!

... А что с нами-то происходит?
Да имеем ли мы права?..
Наши дети растут сегодня,
оперившиеся едва.

Им картавит пройдоха ловкий,
хором вторят все иже с ним:
— Пейте, деточки, газировку,
содержащую фениланин.

Пейте пиво, живя красиво!
Мы вам пойла дадим ещё.
Сказку на ночь о перспективах.
А на утро предъявим счёт.

Быдлом сделаем в наказанье,
с потребительским злым нутром.
И пойдёте вы на закланье,
бестолковые, за козлом!

И кого наша старость спросит:
— Как наш город?.. Что стало с ним?..
Горстку гипса в могилу бросит
нам, с усмешкою, господин.

Не приемля людского горя,
Чьи слова моё сердце жгут?..
«Гибнет город?.. Подумаешь, город,
мы копнём миллионы тут!»

Спят и видят – клубится молох
взрывом над пестротой миров –
в белом инее гипса город,
город сказочных мастеров!..

Эти мысли не мягче стали.
И душа моя не кривит –
из твоих недалёких далей
белый пепел на нас летит...

Город модный. Город удобный.
Как тебя мне ещё назвать?
Ты послушай, мой город скромный,
что хочу я тебе сказать...

Небольшая волна.
Здесь никто не стреляет,
И вокруг тишина.
Здесь одна лишь природа
В первозданной красе.
Утихает тревога,
И легко на душе.
Все отдам я на свете
За один этот миг,
Лишь бы мне на рассвете
Журавлей слышать крик.
Лишь бы мне на рассвете
Видеть радость зари,
Чтобы песни пел ветер,
А в кустах соловьи.
И житейские будни
Нам тогда не страшны.
Пусть всех утром разбудит
Этот миг тишины.

Возле старого дома,
 У сосновых ворот,
 Мне бы встретить знакомый
 Деревенский народ.
 И открыть им ворота
 Мне б успеть поутру.
 И конфетку бы кто-то
 Бросил мне на траву.
 И счастливый, довольный,
 Я б домой прибежал
 И пред мамой ладони
 Я б с конфеткой разжал.
 Много счастья не надо,
 Лишь бы видеть глаза...
 Только нет мамы рядом,
 Не вернется назад.
 Разве только приснится,
 В детство дверь отворив...
 Сны, залетные птицы,
 Дорогие мои...

МИГ ТИШИНЫ

Я на озере снова,
 Я ушел от забот.
 Золотистой каймою
 Обнесло небосвод.
 Серебристый язенок
 Проплывает над дном,
 И ленивый щуренок
 Шевелит плавником.
 Уток плавно качает

РОССИЙСКОЕ ЗНАМЯ

*Вывешена реклама находящейся в доме аптеки
 в виде российского знамени, на каждой
 цветовой полосе которого по одному слову:*

АПТЕКА
НИЗКИХ
ЦЕН

Аптека называется «Наш доктор»

Прокладки, памперсы, презервативы...
 На знамени напишут, когда мы выйдем все
 Ну, а пока мы есть – терпимо и красиво
 На знамени России «Аптека
 Низких
 Цен»!

«Наш доктор», вы не наш... Но некуда мне деться.
 Печально доктор Чехов вздыхает в небесах.
 Наверное, в груди у нас собачье сердце.
 А мальчики кровавые у доктора в глазах.

... Как знамя целовал простой российский парень.
 Отечества алтарь он кровью окропил.
 И кланялось оно – приспущенное Знамя
 под горестный салют сырой земле могил.

Кому нужна ты, Честь?.. Капусту рубят хамы,
 под бубен наживясь на бабушках простых.
 Опущенное Знамя – апофеоз рекламы.
 Мол, у америкосов из знамени – трусы!

Прибив тебя к стене масонскими гвоздями,
 осознаёт козёл – кого он опустил –
 ещё немного тьмы быдловой – и над нами
 померкнет чистый свет отеческой Руси.

Мне гаркнут – помолчи, не суй свой нос,
блюстититель!...

Отсталая, ты – чмо. Ты сердцем не лютуй!
... Настанут времена – и мировой правитель
на знамени Руси легко напишет «х...»!

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Яблочным Спасом, Яблочным Спасом
Пахнет сияние Божьих садов.
Это спасение райского сада.
Выше – спасенье запретных плодов!

Пахнет корзинами, скрипом лозовым,
Детским, с матрёшкою русскою, сном,
Миром старинным, скатёркою новой,
Душной корицей – большим пирогом.

На рушниках, шитых крестиком алым,
У хорошавки* румянится Спас.
И полагается старым и малым
Яблочком хрустнуть упавшим тотчас.

Дома у печки с потёртым ухватом
Бабушка нежится в белом платке.
С Яблочным Спасом, с Яблочным Спасом!
И пироги в противнях на шестке.

* Хорошавка – сорт яблок

В ЦЕРКОВЬ ОТКРОЙТЕ ДВЕРИ

Я не знаю, во что мы верим
И что есть святого у нас?
Люди, в церковь откройте двери
И зайдите туда хоть на час.
Нам судьбой еще путь не отмерен,
Мы не знаем, что ждет впереди.
Люди, в церковь откройте двери,
Надо, надо туда зайти.
Мы грехи свои не разделим,
Но ответ держать только нам.
Люди, в церковь откройте двери,
Может, Бог и поможет вам.
И давайте жить на доверии,
Жить по правде и по любви.
Люди, в церковь откройте двери,
Боже праведный! Благослови!

ДЕТСТВО

Мне бы в детство вернуться,
Пусть во сне, хоть на миг,
Чтобы вновь окунуться
В теплоту старых риг.
Пробежаться бы в поле
По тропе босиком
Надышаться бы вволю
Молодым ветерком.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Почерневшие старые стены
 Да глазниц оконных проем...
 Не сумели помочь, не успели
 В наше время, в котором живем.
 Церковь, церковь — упрек и утрата,
 И заноза где-то внутри.
 Я прошел мимо церкви когда-то
 На своем беспокойном пути.
 И сейчас слишком много вопросов,
 Не на каждый найдется ответ.
 Но потом все равно кто-то спросит
 За оставленный в жизни след.
 Ну и что мы на это ответим,
 В оправданье что можем сказать?
 Сколько надо прожить на свете,
 Чтобы только сейчас понять:
 Почему не спасли святое?
 Почему дали ей умереть?
 Зарастает церковь травой,
 Продолжая гнить и стареть.
 И вины за собой не зная,
 Все же сам я себя виню
 И себя во всем упекаю
 За погибшую церковь мою.

* * *

Ксении Иконниковой

Мне в парке на прогулке как-то Ксюша
 про английских пиитов говорила.
 И аура поэзии парила,
 и пела нам стихи в сплошные уши.

И образы поэтов все ажурней
 на ветках тополиных возникали,
 и музы их табачные порхали,
 и падали стихи, местами в урны.

И свет на нас лучился как бы горний,
 и ангелы ритмически взметались,
 и шли мы патетично, отстранённо,
 и, кажется, земли мы не касались.

* * *

Голос живой далёкий
 облаком вознеси —
 князь ты мой светлоокий
 за шеломом еси.

Через России дали
 птицей лечу в огонь —
 только б цветами пали
 звёзды в твою ладонь.

Неодолимы недра,
 как окаём земли,
 там, где золотые ветры
 гладят плечи твои,

удаль твою и шалость,
в небо подняв коней.
Как же легко дышалось
грешной душе моей...

Царственно расставанье,
да ещё в первый раз —
долгое созерцанье
вещих славянских глаз...

Нерукотворный облик,
тот, что к себе зовёт.
Князь ты мой светлоокий,
русское солнце моё.

* * *

В толчее, на вокзале, у двери
попрощаться по-русски светло...
Мы обняться с тобой не посмели,
и ладонями плавим стекло.

В стороне твои спутники – двое,
с пониманьем глядят, чудаки.
Мы – чужого романа герои,
но сейчас им настолько близки...

Пассажиры отбытию рады.
Наше чувство сквозь них пролегло.
Нам бы взять и уменьшить преграду.
Нам бы просто — расплавить стекло.

Уезжаю... И чувство такое –
я беспомощна. И – навсегда
это место, что рядом, — пустое.
А в окне, над домами, — Звезда.

ЧЕРНЫЙ ПЛАТОК

Я у синего неба возьму лоскуток,
У березки зеленой листвы попрошу,
Раскидаю все это на черный платок,
Васильки да ромашки по полю пушу.
Посмотри, как красив стал твой черный платок,
Ты возьми-ка его, не стесняйся, примерь.
Из-под белых ромашек седой завиток,
А в глазах твоих боль от минувших потерь.
Столько лет пролетело, а сердце все ждет,
По ночам часто слышится голос родной.
Вот уж правнук в «горячую точку» идет.
Дай-то Бог, чтоб живым он вернулся домой.
Встанешь утром ранешенько, вместе с зарей:
Всю-то ноченьку снились родные глаза,
Будто рядом зазнобушка вместе с тобой...
На холодной подушке росинкой слеза.
Потихоньку поплачешь о счастье былом,
Поредевшие косы повяжешь платком.
Не заметишь сама, как привычно он лег —
На седые виски черный вдовый платок.

НЕ ГОВОРИ ТЫ МНЕ «ПРОЩАЙ»

Не говори ты мне: «Прощай».
 Шепни тихонько: «До свиданья»
 И ничего не обещай,
 Лишь улыбнись мне на прощанье.
 Я буду ждать и год, и два,
 И десять лет до нашей встречи.
 Возможно, я и не права,
 Забыть, наверно, было б легче.
 Но манит омут глаз твоих
 И нежно-ласковые руки.
 «Прощай» ты мне не говори,
 А помни обо мне в разлуке.

Только что ей — мы люди, не боги.
 Без Звезды над судьбой проживём...
 А она — всё летит вдоль дороги,
 не желающим взмыть журавлём.

А она всё горит, и так броско,
 что кидается это в глаза —
 опьянённый стоишь у киоска...
 ...А на небе-то — наша Звезда!

* * *

Яблоки падают под ноги, мол, собирай.
 Это наверно и есть тот загадочный Рай.

Падают так — своё счастье уже объяснив.
 Вот и идёшь за плодами садовых молитв.

С низким поклоном за каждым,
 за каждым плодом.
 Вот и несёшь драгоценные, спелые в дом.

Так и рождаются светлые чувства во мне.
 Это, наверно, и есть чистый Рай на Земле.

* * *

Моя бабушка уголь грузила
 на вокзале, у края судьбы.
 От него она черпала силы
 на труды от звезды до звезды.

Под косынку прятала косы,
 да скупую слезинку одну...
 Как гудели в ночи паровозы,
 словно шёл эшелон на войну.

И с лопатой щербатой своею
шла с работы домой, как солдат.
Всех чертей преисподней чернее.
Только зубы белы да глаза.

До сих пор этой чёрною былью
полон вдовый очаг до краёв.
Пахнет потом да угольной пылью
от щербатой лопаты её.

* * *

Это что во всём поёт?..
Это дождь к окошку льнёт.
Это вечера лавина.
Это мокрая малина
и качание её.
Это судорога света.
Это белая монета
с неба блики млека льёт.
Изобилье свежей влаги
и скольжение по бумаге.
Жизни муравьиный плот.
Это в памяти светло.
Гладь качающая лодка
и тяжёлое весло.
Колыхнулось,
вглубь ушло.
Это неба синий камень.
Это глаз твоих мерцанье
и молчание моё.

ОСЕНЬ

В старом парке бродит осень,
На деревьях листья красит:
В желтый цвет березам косы,
А рябинам бусы в красный.
Щедро дарит всем подарки,
Никого не обделяет,
Клен одела в джемпер яркий,
Липа в желтом щеголяет.
Из кораллов на калину
Ожерелие набросит.
Здравствуй, осень, ты прости, но,
У меня к тебе есть просьба:
Дай мне краски золотистой,
Чтоб подкрасить косы русы,
Подари ты мне монисто
Иль коралловые бусы.
— Ах, пусто мое лукошко,
Не осталось ни крупинки,
Лишь на доньшке немножко
Серебристой паутинки.
— Что ж, спасибо, чаровница,
Дар твой впору мне придется.
Паутинка серебрится
На висках при свете солнца.

Семью большую за столом...
О, сколько мне на свете жить –
Мне никогда не позабыть
Вкус каравая с молоком!
...Минуло много зим и лет,
С годами истина пришла:
Вкусней на свете хлеба нет,
Святей на свете хлеба нет,
Чем тот, что мать пекла.

«ЖАР-ПТИЦА»

* * *

Холод, дождь, тропинки слякоть,
Солнышка лучи косые ...
И так хочется заплакать
Вместе с небом над Россией.

Здесь мне дан был почерк быстрый,
Здесь и били и жалели.
Листья сыплются, как искры...
Вы не знали? В самом деле!

И так хочется напиться!
Что ж такое? Святый-Боже!
Мир сегодня загорится,
Даже дождик не поможет!

* * *

А. Кутумову

Я тащу постаревшее тело
По Бекетовке нашей блатной.
Ах, как быстро листва облетела!
Даже ты не заметил, родной...

Гонит ветер стаканчик вчерашний,
Дождь порывами хлещет в лицо.
Почему-то становится страшно —
Замыкается жизни кольцо...

Оборванцы, поэты, изгой...
Сколько кануло их в сизой мгле!
И увидел я: нас только двое
На истерзанной нашей земле.

На любимой, погибшей, нетленной,
Где лишь ветер, туман да вода.
Эх, и кинули нас офигенно!
И не вспомнят уже никогда.

Только тот, кто уходит с любовью
Одолеет беспамятства страх.
А стихи, что написаны кровью,
Отразятся в родных небесах...

СЕСТРА

М. Сухоруковой

На улице мороз да лёд
И лица сизые, чужие...
Но наше время настаёт:
На сцену, как на эшафот,
Выходит русская Мария!

Все в ожидании глядят,
Как на знамение эпохи...
Но никого не пощадят
Её сияющие строки!

Она и гневно и скорбя,
Пороки злобные бичует.
Сестра! Никто не уврачает...
Хотя бы пожалей себя!

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Пускай грозит клюкою всем зима,
Еще морозов обещая дать финальных.
Но вот уже духи свои весна
Небрежно пролила на снег февральский.
И надышались ароматом свежим птицы,
Запели звонче, загалдели, засвистели...
И солнце стало по-особому светиться,
Сосульки вдруг заплакали капелью.
А ивы раньше всех зазеленели,
Почувяв в воздухе весенний аромат,
Серебряные серьги в уши вдели,
Украсив ими скромный свой наряд...
Из плена зимнего весной освобождаясь,
Я ивой расцветаю для любви.
Ее живительными соками питаюсь,
Тянусь к тебе, как к солнцу тянется
Подснежник из земли.

МАМИН ХЛЕБ

Я в детстве видела не раз:
Вставала рано утром мать,
Молитву сотворив, перекрестясь,
Привычно начинала хлопотать.
Сухой лучиной растопляла печь
И за дровами шла в сарай,
Месила тесто, чтоб испечь
Ржаной на завтрак каравай.
И им досыта накормить

Бабье лето, бабье лето!
 Летним зноем дышит осень,
 Пот смолою льется с сосен.
 От огня костров рябины
 Зарумянились осины.
 Солнце кистью для березы
 Золотит березам косы.
 Той же кистью чуть небрежно
 Красит кленам их одежды.
 Бабье лето, бабье лето!
 Все из солнечного света,
 Все теплом любви согрето...
 Бабье лето, бабье лето!
 Я нежданно этим летом
 Зацвела вдруг бабьим цветом,
 Цветом нежным, запоздалым,
 Цветом ярким, небывалым.
 Уж давно не молода я,
 Но, как в юности, пылаю...
 Виноваты, видно, в этом
 Только ты да бабье лето.

НЕБЕСНАЯ МОЗАИКА СТИХА

Я не стихи пишу – рифмую чувства...
 А рифмы те, подобно птицам,
 Вмиг разлетаются, едва лишь захочу
 Их перенести на лист бумаги.
 Вот так и повелось: летят по свету
 Птицы – рифмы и в клетку
 Листа бумажного садиться не хотят.
 Я их ловлю, ловлю, пытаюсь тщетно
 Сложить в небесную мозаику стиха!

Но плавится на сердце лёд,
 Когда, презрев улыбки злые,
 На сцену, как на эшафот,
 Выходит русская Мария!

ДЕВЧОНКИ, ОПАСНО, — Чу!!! (Сказка-быль)

По ночным, столичным, люминисцентным
 улицам
 Рыскает чёрный «суперкар» последней модели.
 За рулём сидит человек в элегантном костюме
 С мордой крысы.
 Регулярно, подъезжая к остановкам,
 Он открывает дверку шикарной машины
 И ловит за пятку какую-нибудь маленькую
 красивую
 Девочку... Если девочка не сопротивляется,
 Он снимает её туфельку и отгрызает ей пятку!
 Девчонки! Бойтесь рыжего Чу !!!

.....
 PS: А куда ж, и на что годится
 Девчонка без пятки??

* * *

Вновь на экранах бесовщина,
 Опять в молчании народ...
 И мать уже родного сына
 Неандертальцам продаёт.

На растерзанье. На помойках
Находят нагишом опять
Младенцев плачущих.
О сколько
Ещё терпеть нам и терять?

И голос совести всё тише.
Кощей кремлёвский «на плаву».
И черти прыгают по крышам
Ночами, там, где я живу...

* * *

Карась взял да спрятался в тину
И сети его не возьмут.
Плетут пауки паутину,
Но мухи туда не пойдут.

По всем городам Ванька-встанька
Встаёт и встаёт всем назло...
А в школе красавица Танька
Плюёт олигарху в мурло...

Так что ж вы попрятались, люди!?
Глядите, идёт «конь в пальто»...
Уже революций не будет.
Никто вас не тронет. Никто!

МОЙ ХЛЕБ — СТИХИ МОИ

Пишу стихи, как будто хлеб пеку:
Замешиваю слово на дрожжах,
Щепоть медовых трав кладу в муку,
Чтоб майским лугом стих мой пах.
Слезой счастья посолю стихи,
Им выстояться дам – и в печь.
На жарком пламени моей души
Тот хлеб – стихи я пробую испечь.
Готовый хлеб бывает всякий:
То сдобный он, то слишком пресный.
Из-под пера порой выходят кулебяки!
Порою же – обугленное тесто.
...Такие разные стихи мои:
Чуть неказистые, простые и наивные...
Но и невзрачные по виду соловьи
Имеют голоса неповторимые.

БАБЬЕ ЛЕТО

Повстречала осень лето
На лесной опушке где-то...
От случайной встречи этой
Народилось бабье лето.
На ковре опавших листьев
Осень нянчила сынишку...
Вырос молодец пригожий,
На отца и мать похожий.
Бабье лето, бабье лето!
Все из солнечного света,
Все теплом любви согрето...

Чтоб любая в жизни непогода
 Не могла затмить волшебный дом
 ... Снова напои меня, природа,
 Золотым чарующим дождём.

ПРЕДЗИМЬЕ

На закате необычно зябко,
 Ветер в дуплах воет озорной.
 Прохожу осенним старым парком
 По тропинке скользкой, ледяной.

Старый пруд задумчив, неуютен,
 И морозец первый щёки жжёт,
 Целый день в селе ежеминутно
 Звёздочками падает снежок.

Беспокойно в роще шепчет ветер,
 Кроны у деревьев шевеля:
 «Тихо, тихо, не зима ведь это,
 Просто вьюга вышла погулять».

Неуютно это время года,
 Хоть ноябрь господствует уже.
 Не зима, не лето, а природа
 Приготовилась...настороже.

Пусть наряд лесов скупой, неяркий,
 И прозрачен лёд осенних луж.
 Только здесь, в осеннем чудном парке,
 Я пьянею от ветров и стуж.

* * *

Сегодня небосвод зеркален,
 Но отражает он не нас,
 Когда среди глухих развалин
 Мы бьём друг другу прямо в глаз!

Когда орём и пьём до рвоты
 За нас рыдает мать – страна...
 Когда дерутся патриоты,
 В Кремле смеётся сатана.

И кулаки сжимает Сталин,
 И в гневе правом Грозный царь.
 Сегодня небосвод зеркален.
 Он разобьётся — лишь ударь!

В осколках русские святые
 Сойдут на землю к нам тогда.
 И будут нам слова такие,
 Что возрыдаем от стыда!

С фингалом друг идёт, — печален
 (Внутри бунтует естество...)
 Сегодня небосвод зеркален,
 Вглядимся пристальней в него!

* * *

Серебрятся паутинки
На ветвях добра и зла.
Как с лазоревой картинки
Ты с пригорочка сошла.

Над тобой летят стрекозы,
Как «вертушки» на войне.
Что за локоны да косы
Ты несёшь в подарок мне!

Обниму да расцелую,
В очи ясные взгляну...
За тебя, красу такую —
Хоть в огонь,
Хоть на войну!

Ай да очи, ай да косы!
Ай да чудо — АКМ...
Эй, держись америкосы —
Скоро жарко станет всем!

* * *

Расслоенье в природе, —
В небесах, на меже.
Расслоенье в народе,
Расслоенье в душе.

Кто же смог так умело
Раздробить, обокрасть
Наше русское дело,
Нашу русскую власть?..

ГОДЫ ДЕТСТВА

Годы улетают, словно птицы,
Нет, не возвращаются назад,
Но по-прежнему, как в детстве, снится
Журавлиный край и майский сад,

И овраг за ближним полем мелкий,
И травой обросший стадион.
Там играли мы весной в горелки,
Строили из глины терем-дом.

Снятся пахнущие хлебом пашни,
Где босыми бегали не раз,
Да давно заброшенная башня,
Что от дождика спасала нас.

В этой башне будто не случайно
Находили множество следов.
Нас манил загадочный и тайный
Непонятный лабиринт ходов.

А когда закроют солнце тучи
И раскатистый ударит гром,
Мы искали там заветный ключик,
Запирали наш волшебный дом.

Нас манила тихая прохлада,
Золотые зорьки над рекой.
Нет, другого счастья мне не надо,
Было б то, которое со мной,

ПРОСТИ

Это краткое слово «прости»
 К нам в раскаянии приходит,
 И обиды на полпути
 Исчезают, как вешние воды.
 Это легкое слово «прости»
 В мирозданье снежинкой тает,
 Ты его в свой мирок впусти,
 Расцветет оно ландышем мая.
 Лучезарное слово «прости»
 Закружится волшебной птицей,
 Коль открыты к нему пути,
 Освежишься глотком криницы.
 Это тихое слово «прости» —
 Ожерелье жемчужной ниткой
 Помогает по жизни идти,
 Утоляет гнева избытки.
 Как надежно его нести
 В перепутье суровых буден,
 Можно быстро выход найти,
 Если путь в препятствиях труден.
 Ты не бойся произнести,
 Свою гордость превозмогая,
 Это мудрое слово «прости»,
 Будешь жить тогда не страдая.

Уж гляди — уничтожит
 И детей наших враг...
 Мудрый, Господи-Боже,
 Собери нас в кулак!!!

* * *

Свет на улице погас,
 Кто-то крикнул:
 — «От винта!».
 В темноте застрял Пегас,
 Мерседес слетел с моста!

Кот засунул нос под хвост
 И свернулся калачом...
 А на улице мороз!!!
 Кот, конечно, не причём.

Никакой вины в нём нет,
 Но коту приснился сон:
 ...Виноват – парад планет,
 США и Пентагон.

* * *

Не бросайся в истерику, —
 Не ходи по ножу!
 Я боюсь за Америку,
 За китайцев дрожу!
 Я боюсь за Австралию
 И за чукчей боюсь,
 Но скажу, чтобы знали вы:
 Лишь за Русь не боюсь!!!

Эти ж, как ни стараются,
А провалятся вновь.
Во всём мире останется
Только Русь да Любовь!!!

* * *

Прошёл огонь по деревьям
И многим головы скосило.
Иван, не помнящий родства,
Забыл любовь свою и силу.

Встряхнись же из последних сил!
Гляди, трещат кресты и кости:
Встают родные из могил,
Чтоб многое тебе напомнить!

* * *

По ночам непутёвой девице,
Что на пятом живёт этаже,
Её мальчик не то чтобы снится,
Он реально приходит уже.

Только-только клиента проводит,
Только город ночной замолчит.
Тут же маленький мальчик приходит
И в окошко стучит и стучит...

Не с того ли закрыто окошко,
Даже летом всю ночь напролёт?
Он уходит по лунной дорожке,
Он с собой свою маму зовёт...

Верила, надеялась, мечтала...
А страна не очень-то меня
В трудный час от лиха заслоняла.
Нищая, богатая страна.

Все равно я Родину любила
И сейчас живу любовью к ней.
Это все вакцина натворила.
Ну а я так благодарна ей.

КУПОЛА

Церковки в провинции России
Облачились в чудо – кружева,
Желтые, серебряные, синие
Смотрят ввысь литые купола.

Звоны колокольные набатом
Раздаются в праздники окрест.
Чтоб не шли войною брат на брата,
Воссиял над куполами крест.

В светлом храме снова многолюдно,
Трудно со свечой идти вперед,
Но великий Спас иконы мудро
Ждет к себе страдающий народ.

Желтые, серебряные, синие,
Солнцем облитые купола.
Церковки в провинции России
Возвещают нам, что Русь жива!

ПОДАРИ МНЕ, ГОСПОДИ, ОСЕНЬ

Подари мне, Господи, осень
После трудных суровых лет,
Чтобы видела неба просинь
Через призрачно-серый рассвет.

Подари мне, Господи, осень,
Да такую, чтоб отлегло.
Вдруг когда-нибудь дети спросят:
«Как ты, мама, тебе тепло?»

Чтобы я по траве бежала,
Ощущала сентябрьскую звень.
Подари, это так немало,
Это завтрашний ясный день.

ВАКЦИНА

В раннем детстве мне ввели вакцину
Под названием «патриотизм».
И живу с вакциной той доньне,
И люблю страну свою и жизнь.

Отголоски первого рассвета
Получала в мае по весне,
И устойчивость иммунитета
Прививалась в виртуальном сне,

Что живу в великом государстве,
И оно, конечно, защитит
Не нашедших на земле богатства,
Сбившихся с надежного пути.

* * *

Когда уходят боль и радость,
И верный друг, и верный враг,
Душа скорбит. И ей не надо
Ни отступлений, ни атак...

Когда у пропасти на грани
Ты задрожал, ты весь продрог...
Когда твой дух смертельно ранен,
Тогда к тебе приходит Бог.

ЕЛЕНА

Над дорогой снег дымится —
Быстрый витязь проскакал...
Распушила хвост девица, —
Ах, девица хороша!
Заберёт её военный...
Вмиг подхватит на скаку!
Не досталась чтоб Елена
Ни жиду, ни дураку!

* * *

Венчальное платье надела
Природа под вечер тайком.
Выходят парнишки на дело,
Хрустя самым первым снежком.

Невеста кладёт под подушку
Хозяйски отточенный нож.
Ведёт человек старушку,
В мозгах замышляя грабёж.

На небе морозном искрится
Звезда, как девический взор.
Уходит по русским границам
Солдатик в свой первый дозор.

Чеченец ползёт, как мокрица,
Надеясь на дедов кинжал...
Граница — на то и граница,
Чтоб даже комар не сбежал.

К вечерни ударили братцы,
Где Дух победил свою плоть.
А дальше... чего нам бояться?
Всё видит, всё знает Господь!

* * *

Держу я синицу в горсти.
И это мне даже не снится!
Гляжу и дивлюсь по пути:
Синица вдруг стала
Жар-птицей!

Такой от неё дивный свет!
И радость...
И в том да пребудем!
Готов я хоть тысячу лет
Служить с ней
И Богу, и людям!

ОДНОКЛАССНИКАМ

Где вы, дорогие одноклассники,
Отрешенные от мест родных?
Разве вас не научила классика,
Не звучал о милом крае стих?

Неужель не снятся вам ветвистые
Ивы и березы у плетня,
Золотое поле колосистое,
Близкая и дальняя родня?!

Неужели тихий край березовый
Вы забыли в этой суете,
Как в палатке у костра под соснами
Предавались радужной мечте?!

А когда село дожди весенние
Оглашали первую грозой,
Вспомните, как томиком Есенина
Наслаждались с юности слезой.

Помните ли школу всю в акациях,
Песенной романтики полет?
Где вы, на каких далеких станциях?
Вас давно земля родная ждет.

Жизнь – урок, совсем иная классика,
Только б пламень сердца не угас.
Где вы, дорогие одноклассники?
Приезжайте. Ждем вас. В добрый час!

Дочь и два сына – их можно понять?
Тут понимать и не надо:
Стала обузой старая мать,
Мать с деревенским укладом.
Если бы знали, как мать их ждала,
Как ожиданьем томилась
И никого ни за что не кляла,
Только лишь Богу молилась.
Пусть было горько ей, пусть нелегко,
Лаской делилась со всеми.
Дань милосердную – хлеб, молоко –
Ей приносили соседи.
Вышла деревня ее хоронить,
Было народу немного...
Поздно кого-то ругать и винить,
Все мы грешны перед Богом.

«ЦВЕЛИ ПОДСНЕЖНИКИ В ЛЕСУ»

НАВЕЯННОЕ ОКУДЖАВОЙ

Прав старина, что «дураки
Все любят собираться толпами»,
Чтоб вырывать не сорняки –
По одному колосья с зёрнами.

В тени сидят середнячки,
Как прежде, для себя живущие.
Пожалуй, с лёгкой их руки
И бесится толпа орущая.

С середнячком, что корку мять:
Ни то ни сё — никем не числится.
Пусть середина для меня
Под золото медяк начищенный,

Но в корне соглашусь я с ним,
За середину сердцем ратующим:
Чем больше всяких средин,
Тем меньше дурней, драки жаждущих.

ДВАДЦАТОМУ ВЕКУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

1

Рождаясь в схватках нужд и бед
На крови революций,
Затушит он лучины свет
И лампы свои включит.

И голод, и репрессий стынь
На нас с лихвой нагонит,
Чтоб лучший генофонд страны
Весь истребить под корень.

Победным маршем, как умел,
Пройдётся в сорок пятом
И с вечным Лениным в уме,
С Америкой богатой

В соревнование войдя,
Прохладным свежим утром
Народ гудками он поднял
На заводские будни.

Пошлёт Гагарина в полёт.
А сделав нас державой,
Европу ужас потряхнёт
Чернобыльским пожаром.

С позором ввяжется в войну
В афганистанском смерче,
Чтоб разом выдать на страну
И слёз, и цинк на смерти.

ЦЕРКОВЬ

*(Стихотворение это посвящено
сельскому храму на родине поэта.)*

Утопая в зеленом ложе,
Ты еще прстоишь века.
Над тобою, как лики Божьи,
День и ночь плывут облака.
Церковь русская – русский гений!
Тяжело на тебя смотреть.
После стольких бед и гонений
Как же ты смогла уцелеть?
Гнев и боль разрывает душу.
Да воздаст по заслугам Бог
Всем, кто брался тебя разрушить,
Всем, кто свято тебя берег!

МАТЬ

Дом-пятистенок уткнулся в траву,
Крыша дождями намокла.
Белая лента на Божьем углу
И заколочены окна.
Здесь одиноко старушка жила,
Смерти страшилась едва ли,
Долго болела и вот умерла,
Дети живой не застали.
Им бы пораньше приехать сюда,
В дом, к материнской постели!
Крепко их держат свои города,
Да и не очень хотели.

*А вы заметили, в Ветлуге
Какой культурный стал народ,
Когда по улице идёт:
Никто не только друг на друга,
Но даже мимо не плюёт.
И мне сказали по секрету,
Хоть это кажется смешно,
Что плюнешь – попадёшь в поэта,
А это вроде бы грешно.
У нас в Ветлуге, без сомнения,
Услышать многим довелось:
На единицу населения
Поэтов много развелось.
Творят они себе на радость
Под сенью тополей и лип.
Здесь поэтический оазис,
Здесь заповедник и Олимп.
Рекой поэзия течет,
Для них все двери открывает.
Поэтам слава и почет,
А главное, здесь не стреляют.*

И. КНЯЗЕВА

Без идеалов — так больней!
С идеологий крахом
Заговорит он о Чечне
И грозном Карабахе.

2

Спитаком в летопись войдёт,
Подводной лодкой «Курском»,
В квартиры наши к нам придёт
С рекламой на закуски,
С насильем, Дракулой, враждой
И заказным убийством,
С разрухой, голодом, нуждой —
Следами катаклизмов...

Таким запомнится мне век —
Эпох переплетеньем
С триумфом множества побед
И низостью падений.

* * *

Пора была предать земле.
На третий день еще искали.
Их только рыбы в черной мгле
Могли бы если, отпевали б.

Река стелила рыбакам
Рукой злой мачехи постели...
Эх, знать бы это... А пока
Поспешно в лодку с другом сели.

Навеселе — так веселей,
Хоть без того был день веселым.
Ручьи, бегущие с полей,
Перемывали черноземы.

Где стоял снег, цвели в лесу
Подснежники, горя, как звезды,
Под грай на новую весну
Грачи слетались к старым гнездам.

В один короткий долгий миг
Вверх дном перевернулась лодка...
Волной река накрыла крик,
Не поменяв своей походки.

* * *

Прохладней стал мой сад осенний,
В своей прозрачности светлей.
Давно прошло весны цветенье,
Как годы юности моей.

Как память прожитого лета
Разлит в нем теплый колорит.
В тонах оранжевого цвета
Кострами день вокруг горит.

Еще могу я солнца блики
В саду на зеркальце словить,
В мечтах о сладкой землянике,
Калины горечь привкусить.

ВЕТЛУЖСКИЕ ПОЭТЫ — БОЛЬ, РАДОСТЬ, СТИХИ, — СУДЬБА

У хризантемы жемчуг белый
Порой напомнит о весне
И о зиме заиндевелой,
Вчера явившейся во сне.

Но вопреки самой природе
В нём куст шиповника расцвёл.
О предстоящей непогоде
Не думать вовсе предпочёл.

* * *

Любой маршрут до бани — путь неблизкий.
Мы выбираем дальнюю из бань.
Готова стать твоею одалиской.
Мой дорогой, как хочешь меня парь!

Не забывай! И твой черёд все ближе,
И веник, спину отхлестав, потом
Горячим языком тебя оближет,
Березовым приклеится листком.

Такая благодать почти что даром! —
Попарились и рая дождались.
Сказав друг другу дружно:
«С легким паром!» —
Мы заново как будто родились.

ГОЛОЛЁД

Первоучка-конькобежец:
Что ни шаг, то разворот.
Не всегда земля нас держит,
Не удержит в гололед.

Едут ноги, точно сани,
Развернутся: на бок лег
Или навзничь — взмах руками!
Не ходи на гололед!

Запаслась клюкой старушка.
Только нет! Не вышел прок:
Словно ниткой мимо ушка,
Палкой тычется в каток.

Ребятня, как ваньки-встаньки —
Гололёд ей нипочём!
Зацепившись дружно в стайку,
Другу тыкаясь в плечо!

* * *

Опившись суетой людской
До чёртиков, как бражничать!
Как рукавом, одной тоской
Закусывать изважничась,

Презрю сомнительный уют —
Весь в гомоне, весь в топоте!
И синевой тоску запью
Не этой — с чёрной копотью,

валил её изнутри. Сейчас, когда Володи не стало, я благодарен Вите за то, что Володя узнал другую сцену, был участником джазовых фестивалей и конкурсов.

Ах, песенки, мои песенки! Лежать бы вам в столе, не будь Кудряша, — ведь именно он, находясь рядом, как опытный психолог, убирал мою робость и нерешительность. Ещё и этим мне дорога память о Володе. Рад, что успел показать ему свои первые песни. Уже почти 17 лет нет на белом свете Владимира Николаевича Кудряшова. В последние годы его жизни мы виделись реже, но, когда встречались, не могли наговориться. И сейчас, когда случается выйти с гитарой к людям, я чувствую, что Володя где-то рядом и поддерживает меня.

спортом привило Володе уважение к команде и это уважение после спорта перешло к нашей «Капле росы», которую он ни разу не подвёл за время её существования. Семья, работа, музыка да ещё «Школа тренеров» в подмосковной Балашихе... как его только на всё хватало! И ответственность перед «Каплей», порой во вред семье... Однажды он уехал на экзамены в Балашиху и обещал к сроку вернуться. Утром, в день игры на очередной свадьбе, немного волнуясь за него, иду к Володиной маме. Она открывает дверь и молча впускает в квартиру. Глядя на мой растерянный вид, успокаивает: — «Да здесь он, в ванной». Прохожу в комнату и жду, когда он с дороги приведёт себя в порядок. Вдруг появляется Таня (Володина жена) и требует, чтобы он собрался и ехал домой. Володя объясняет, что за ним зашёл друг и вечером он должен петь на свадьбе. Со словами: — «Я твоего друга сейчас с лестницы спущу», Таня появляется на пороге комнаты. Вид у неё был очень решительный, отчего моя пятая точка приготовилась считать ступени кудряшовского подъезда... Сейчас Таня мой близкий друг и как никто достаёт меня моим давлением и страшит инсультom. Я за это сержусь на неё, но недолго. «Капля росы» просуществовала 3,5 года, не часто, но люди в ней менялись: Валера Бураченко, Женя Садовский, Володя Морозов, Володя Гранов, Серёжа Чернов... и лишь мы с Володей Кудряшовым были в ней с начала и до конца!

В конце 1980 года Володя перешёл в «Экспромт» Виктора Шершакова. Мы по доброму поговорили, и я понимал, что Володе хотелось попробовать себя с профессионалами. А как бы я поступил, если бы мне такое предложили? Но тогда я сердился на Виктора, который как в «Троянский конь» проник в нашу «Каплю», и раз-

А той — за городской чертой,
Что с далями сливается...
За горизонт, как за мечтой! —
Душа устала маяться!

Там вековая ель молчит,
Неся печаль высокую,
Бегут хрустальные ручьи —
С ладоней пить бы, охая!

Обиду дней сосне вручу.
Как свет пролив над тайною,
Своей слезою заплачу
Ей за слезу янтарную.

ПОЭТ И БОГАЧ

У каждого — своя стезя по жизни,
И со своей судьбой до смерти жить:
Поэту петь на празднике и тризне,
А богачу — накапливать-копить.

И мудрствовать поэту при богатых,
Что камень преткновения найти.
«Как в рай земной, попасть бы

в «место свято», —

Богач мечтает. Только как пройти

В тот вечный рай? Ведь,

сквозь ушко иголки

Верблюду пройти не сможет — хоть убей!

Из «песни песней» знаем мы, насколько

Глупа затея эта — нет глупей!

Но свет пролить и на века оставить,
Поэту на скрижалях суждено.
Здесь рай готов ему! — к чему лукавить?
И уготован там давным-давно!

* * *

Серых туч нагроможденье
В проблесках небес.
Взору встал на обозренье
Поредевший лес.

Сквозняками весь простужен,
Тишиной объят.
Только слышно чуть, как кружит
Наземь листопад.

Бересклет в пурпурных серьгах
Так прозрачно чист
И всего лишь за недельку
Сбросил тонкий лист.

* * *

Белоствольные берёзы
Больше не шумят,
Под грядущие морозы
Скинувши наряд.

Им тонуть в сугробах снежных,
Чтобы, видя сны,
Вспоминать свой лепет нежный
На краю весны.

успешно, но на первой же репетиции он не понравился ребятам и мы остались квартетом. Второго января 1977 года у «Полевых цветов» был первый концерт, который запомнился только волнением, а в феврале в клубе был конкурс самодеятельных «ВИА». «Полевым цветам» досталось тогда второе место, а Саша Кутумов был назван лучшим гитаристом. Радоваться бы... но букетик «полевых цветов» рассыпался. Кутумова переманили в ансамбль, где певец «косил под Дэвида Байрона» из «Ugiah Неер». Саша Паркин присоединился к какой-то команде из Щербинок. А мы с Володей Засыпкиным, прихватив Садовского, соединились с осколками одного из бекетовских ансамблей — гитаристами Серёжей Кочетковым и Сашей Беловым. Придумывали имя новоиспечённому коллективу. В голове вертелось: «Сто грамм для храбрости», так как перед выступлениями, да и на репетициях иногда появлялась «бормотушка» и Серёжа, Саша и Женя азартно приобщались к «прекрасному». Может, ещё и из-за этого продержались вместе всего три месяца.

Ну вот и опять подошли к началу, то есть к «тюринской» свадьбе, к тому как основательно появился в моей жизни Володя Кудряшов и как музыкант и как человек. Володя не был ангелом, — откуда им взяться на земле? Его колючий юморок некоторые помнят до сих пор, но я не помню, чтобы он зло о ком-то отзывался. В нашем новом ансамбле он, конечно, был лидером и придуманное им имя нашему коллективу «Капля росы» было единогласно принято. Песни, которые он разучивал, без обсуждения дополняли наш репертуар. За Володиным голосом мы были как за каменной стеной. И благодаря именно ему у публики не возникало вопросов — своим ли делом мы занимаемся? Занятие

одним воздухом... Да простят меня мои дорогие Володя Засыпкин, Володя Гранов, Миша Котельников, с которыми мне тоже довелось «порингостарничать», всё, что здесь написано, посвящено Володе Кудряшову, его светлой памяти.

До моей армии с Володей мы иногда встречались у Коли Богомолова. Здоровались, но общих разговоров, а тем более дел у нас не было. Забежав ненадолго, Володя рассказывал о спортивных сборах и соревнованиях. Однажды захожу к Коле, а он улыбается. Оказывается, заходил Кудряш и сказал, что видел меня, но не помнит, как зовут. И на вопрос Коли: — «Да кто это?» — ответил: — «Да это парень, который ходит в огромных ботинках». Да. Было такое. Жили мы небогато и мама покупала мне и одежду и обувь «на вырост». А из армии меня ждали Володя Засыпкин и Саша Паркин. Прекрасное время «пробы пера»... Играли всё что нравится, сочиняли своё. Ансамбль назвали «Полевые цветы», да и песенка была у нас с таким названием. Слова и мотив придумал я, а когда немного поправив гармонию, её начал петь Саша, она зазвучала интересней и стала меньше напоминать песняровскую «Александрину». Весной 1976 года у нас появился Саша Кутумов — «Ричи Блэкмор из Щербинок». Всё лето и осень репетировали в сарае у моей тёти. Это был частный дом и своим грохотом мы не досаждали соседям. Коля Богомолов в шутку назвал нас «Сарай-Хип» и это название употреблялось чаще, чем «Полевые цветы». К зиме перебрались в тепло — клуб им. В.В.Терешковой, что у Оперного театра, и к зиме ждали Женю Садовского с его электроорганом, чтобы поставить точку в формировании нашего ансамбля. В письмах Женька хвалился, что играет в армейском ансамбле и весьма

* * *

Бился полдень о плетень,
Словно масло в кринке.
Вдруг схватились свет и тень,
Как борцы на ринге.

Заскрипел сосновый бор
Вдалеке трибуной.
С петухом на крытый двор
Побежали куры.

Ветер пыль позёмкой гнал
По большой дороге...
От грозы и где скандал
Прочь несите, ноги!

* * *

Хозяйские повадки
Пусть знаю наперёд,
Не сваха я, чтоб пяткой
Стучаться о порог.

Хоть я не каторжанка,
Но путь мой не прямой.
Да и не Жанна д'Арк я,
Но край люблю родной.

Вам, плачущие ивы,
Берёзовая скань
И с гроздьями рябины,
Плачу душою дань.

Не тягочусь заботой —
Свою любовь нести,
Чтоб русскому народу
Душою отцвести.

* * *

Тебя я нисколько, ни в чём не корю.
За всё, что было, благодарю.
Сегодня всю душу открыть я хочу,
Не то задохнусь от нахлынувших чувств.

Ужель показаться могло, что смогу
Перед тобою остаться в долгу?
Поверь, что теперь бы вернула сполна
Тепло, что в тот вечер принять не могла.

Оставила тёплым твоё на снегу.
Дай знак только, следом за ним побегу.
Укрою тепло от холодных ветров,
В дом свой пушу и запрю на засов.

На сердце своё поспешу положить
И буду колдуньей над ним ворожить.
Жалей не жалей, если будут тогда
За окнами пляски вести холода...

только мы не играли, однажды говорит: — «Приходи к нам во двор, у нас по вечерам играет на гитаре и поёт Кудряш». Когда тебе 13, а кому-то 17, а то и все 18 — они тебя и за человека-то не считают. Поэтому мы робели подходить к компании, которая стояла у скамейки, на которой сидел Володя и пел под гитару популярные в те времена эстрадные, дворовые, да и блатные песенки. Эти вечерние концерты мы слушали сидя в андрюхинском палисаднике. Андрей дружил с Шуркой — младшим братом Кудряша и я знал, что Володя спортсмен (прыгает с трамплина) и видел его фото в газете «Горьковский рабочий» с лыжами на плече. Ведь это надо же как везёт ему: и спортсмен, и фото в газете, и на гитаре играет и поёт... Да и какая белобрысенькая «кадриха» почти каждый вечер сидит рядом с ним на скамеечке — можно позавидовать!

Петь мне хотелось всегда, но я жутко стеснялся. На уроках пения мычал что-то себе под нос, за что больше «трояка» не имел. Зато дома в ванной при закрытой двери, громко пел «Голубые города» и «Дельфинов». На работе у отца был баян, и я тщетно пытался подобрать мелодию из польского фильма «Четыре танкиста и собака». Баян оказался за пределами моих способностей. А в школе, вместо того чтобы слушать про квадраты да треугольники от Фаины Леонидовны, смотрел в окно и думал: «скорей бы в палисадник послушать про Федю-археолога, — «Страшно, аж жуть!» Музыка всегда была для меня чем-то живым до чего можно дотронуться рукой. Ах, если бы тогда какой-нибудь провидец подошёл к андрюхинскому палисаднику и сказал мне: — «Пройдёт всего несколько лет и ты вместе с Кудряшом после случайной, удачно «отыгранной» свадьбы, в кузове летящего по ночному городу грузовика сойдёте в сумашедшей пляске, пляске счастливых людей, дышащих

не привёл, — то ли постеснялся моего малолетства, то ли ещё чего. Не знаю... А там, очарованные музыкой «Beatles» летали в облаках Коля Богомоллов, Боря Селезнёв и Боря Ханявин. Сейчас я уже много лет дружу с этими ребятами и, зная их, не верю, чтобы тогда они меня не приняли. А Валера, жалея для меня места в этой стае, не жалел «лапши» на мои уши — и что «ребята-то меня знают, и что играет он с ними на ритм-гитаре в ихнем ансамбле. И что, скоро будет концерт в «Доме учёных», и что Коля дал ему задание подготовить к этому концерту битловскую «Girl». Я понимал, что это ложь и было обидно. Но прошло более 40 лет и от обиды не осталось и тени. Да и как обижаться на Валерку — ведь это от него пришли первые аккорды на гитаре и страстное желание играть в ансамбле.

А в 1972 году возник проект ансамбля «Светофор»: Коля Богомоллов — бас-гитара, Женя Хованов (он же — Садовский) — электроорган и я — барабаны. Да... а ведь это Коля показал мне первые приёмы игры на ударных инструментах. Пока жив, буду благодарен ему за это. Ведь до того момента я мало отличался от барабанщика с пионерских линеек. Почему «Светофор»? Да просто решили сшить костюмы из вельвета. Коле — красный, мне — жёлтый, Жене — зелёный. Сшил костюм один Женька — до боли в глазах розовый и утверждал, что он зелёный (дальтоник хренов). Да что я про костюмы-то, я ж про тюринскую свадьбу хотел сказать... Так вот, стоим мы с Колей у «комиссионки» и молчим. Вдруг он, кивая в сторону, говорит: — «А вон поговори с Вовкой, может он поиграет на той свадьбе?» Я оборачиваюсь: от остановки «Моховая» в нашу сторону идёт Кудряш...

Бекетовка, конец 60-х прошлого века. Мой друг и одноклассник Андрюха Попов во дворе которого во что

СОБАЧИЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Ой, мамочки!.. Обычно мы произносим такие слова, когда чего-то или кого-то пугаемся. Но Ася говорить не умеет, хотя научилась по-своему ругаться, когда ей приспичит, идти на прогулку или разбираться с котом Тишей, появившемся в доме два года назад крошечным, принесённым с улицы котёнком. А сколько эмоций она выплёскивает, когда мы приходим домой! Меня, вообще, готова съесть, пробует на «зубок» и кусается до тех пор, пока не скажешь «больно!» Потом лизаться начинает.

Моей Асе скоро будет три года. Появилась она у нас на сороковой день после смерти моей прежней собаки, которую я очень любила. Пока душа Азы (так звали умершую собаку) ещё не покинула землю, мысль об её замене даже не приходила мне в голову. Я очень горевала о ней, и, чтобы хоть как-то утешить себя, придумала, что как только исполнится 40 дней со дня смерти Азы, я заведу себе новую собаку с душой, как бы переселившейся от той. Мы, как говорится, предполагаем, а Бог располагает. Да и задумка-то была не христианской, а, скорее, относящейся к индуизму. Получилось как раз обратное тому, что было задумано. Несмотря на то, что кличку выбрала похожую, натянутое сходство, пожалуй, на этом и закончилось, если не считать общего чёрного окраса и родства с беспородными дворняжками. Совпадая по дате смерти одной и рождения другой (или почти совпадая), по характеру они отличались, как небо и земля. Если Аза, так звали первую собаку, обладала кротким нравом, и все, кто её знал, в один голос заявляли, что таких собак просто не бывает, то Ася, как можно теперь догадаться, была нрава совсем противоположного. Скандалистка, потому что постоянно на всех лаяла, так что сразу никогда не удавалось её

успокоить; надоедливая, потому что так приставала к любой собаке, что трудно было оттащить; упрямая в отличие от покладистого характера первой, импульсивная и подвижная, строптивая и хитрая.

В общем, проблемная во всех отношениях оказалась собака, стало быть, требующая к себе дополнительного внимания. Она только совсем недавно немного успокоилась, о чём я давно мечтала, потому что очень и очень меня «напрягала». Я научилась с ней договариваться и управлять ею, и, мы, как мне кажется, нашли взаимопонимание. Без кнута не обошлось, так как одним уговорам подчиняться противилась.

Любительница побегать, но стеснённая поводком, Ася всегда радовалась дарованной свободе и была за неё благодарна. Приключались и эксцессы, когда она принималась по старой привычке лаять ни с того ни с сего на прохожих, выбирая, как правило, мужчин, особенно подвыпивших, и ребятишек, робостью и страхом которых наслаждалась от души. Я знала, что и этого было вполне достаточно, чтобы испугаться, но ничего не могла сделать, кроме как успокаивать встревоженных и извиняться перед ними. По сути, собака росла в ласке, в тепле и хорошо питалась и не могла по определению быть агрессивной. Просто она так дурачилась. Именно так и понимали нас во дворе, а на улице, да ещё и в незнакомом месте, она сама по себе становилась смиренной. Вот такая бестия жила теперь со мной! И что вы думаете? Разве я её не любила? Наоборот, проблемный ребёнок, как известно, бывает всегда дороже для родной матери, чем любой другой. Разве про собаку нельзя сказать так же?

Ася всегда любила ездить в сад, как только начинался дачный сезон. Даже давалась одевать намордник, правда, после некоторых уговоров. Но когда я предлагала выбрать или-или, ей ничего другого не оставалось,

«Недотрога». Это печальная история безответной любви героя песни к красивой, но «себе на уме» девушке. В конце песенки было что-то такое: «Погрущу немного, — пусть останется с другим недотрога». Песенка грустная, но долбили мы её громко и весело. Ну вот понесло. Я ж про Толю Тюлина хотел вспомнить...

Так вот, подходит как-то Толик к нам с Серёгой и предлагает сыграть у него на свадьбе, которая состоится где-то через полгода. Не моргнув глазом мы согласились. Каждое утро, приходя на работу, здороваясь, Толя спрашивал: — «Ну как, готовитесь?» — «А как же!» — отвечали мы. Полгода срок приличный. Изобразим на свадьбе «Rolling-Stones» бекетовского разлива. Знай наших! Главное, по просьбе Толика «угодить Веруньке», сыграть её любимую «Вологду»...

Ох уж эти репетиции... Нет бы осваивать инструменты или петь на два голоса в унисон. Нет, идёт война за репертуар. Что играть: «запад» или советскую эстраду. Война закончилась за месяц до «тюринской свадьбы». Победителей не было. И без того ненадёжный «кораблик с рваными парусами» затонул от разногласий в команде. Бреду с работы, голова тяжёлая... — как сказать Толе о развале нашего ансамбля?.. У «коммисионки» на Моховой встречаю Колю Богомолова, его приветливая улыбка быстро сходит с лица от моего кислого вида... Мне повезло. У меня добрые друзья, а Коля самый добрый. Юность моя грелась у его сердца. С Колей меня познакомил Боря Селезнёв осенью 1971 года, когда мой самый «старый» бекетовский друг Валера Карюков ушёл в армию. Борис зашёл ко мне домой передать привет из армейского письма Валерки и уходя пригласил заходить к себе. Так я навсегда попал в 54-й дом. Ах, Валерка-Валерка, фантазёр бекетовский! Ведь это он должен был привести меня в этот дом. Но

БЕКЕТОВСКИЕ БЫЛИ

Памяти В. Н. Кудряшова посвящается

Всё дальше и дальше катит «телега». Интересно, что впереди, но почему-то чаще хочется оглянуться назад. И я оглядываюсь, листая по вечерам старые фотоальбомы. Вот я в коротких штанишках с улыбкой до ушей обнял любимую игрушку, вот в сугробе по шею в дни школьных каникул, вот стриженный на своих проводах в армию, вот серьёзный в спецовке у фрезерного станка. А вот чья-то свадьба..., ага, Толи Тюлина — это торжество. Родственники и гости выстроились коридором и под их аплодисменты молодые идут занимать свои места за праздничным столом. А рядом, вспотевший от волнения Садовский пищит на своей «Юности-70» вступление «Свадебного марша Мендельсона» и через доли секунд выстрелом прогремит моя тарелка, а сквозь её звон пробьются аккорды кудряшовской гитары и заушает грановский бас...

Интересно, как он поживает (Толик Тюлин) со своей Верунькой. Деткам поди уж за 30-ть, да и внуки наверно покоя не дают. Мы не были друзьями — просто товарищи по работе. Анатолий в нашем отделе работал электриком и был частым свидетелем наших околоромовых разговоров с Серёгой Кочетковым, с которым в те времена у нас был ансамбль (группой тогда ещё не называли). Серёга — красивый высокий парень с громким голосом, азартно играл на гитаре и был лидер-вокалистом. Кроме всего этого на зависть остальным участникам музыкального коллектива, активно сочинял песни в духе популярных в те годы «ВИА». Прошло лет 35 и я, к сожалению вспоминаю только одну его песню

как смириться с необходимым мне предложением и предпочесть сдаться.

Что бы ни случилось, она, глядя мне в глаза, ожидала от меня тех или иных объяснений. Например: «Что это?» — спрашивала она взглядом, когда я отдёргивала её от ящерицы. А в лесу долго лаяла на ежа, пока я не подойду и не успокою её, сказав, что его нельзя обижать. «Это ёж» — говорила я, — «ему тоже хочется жить. «Она, мне казалось, всё понимала и отходила от него. А как она дома резвилась с котом! Вернее, как кот с ней резвился, когда ей и самой хотелось играть! До драк никогда не доходило — ограничивались предупреждениями с той и другой стороны. Отношения сложились бережные.

Наконец, она удивила даже меня, и, если честно, я за неё страшно испугалась. После работы на огороде я решила немного отдохнуть перед тем, как пойти спать, и присела на низеньком стульчике перед домом. Был по-летнему тёплый весенний день в конце апреля, над нами на фоне сумерек «белело «ещё не совсем тёмное небо с народившимся недавно месяцем и первой звездой — и ничего больше. И вдруг Ася, прижимаясь ко мне, нечаянно взглянула на небо, и издав вопль удивления, почти страха, точь-в-точь как бы говоря: «Ой, мамочки!.. «задрожала вся и вжалась в меня своим задом, насколько это было возможно. Она ещё долго переводила свой взгляд с месяца на звезду, на меня и обратно, не понимая, откуда всё это взялось? И всё больше в меня вжималась. Пришлось её спешно успокаивать, приговаривая: «Да, Асечка! Такой удивительный мир нас окружает! Любишься — не налюбуйешься!» И как всегда, меня поняв, вскоре успокоилась. А после, когда мы уже легли спать, ещё долго ворчала на ежа, который зачем-то пришёл на промысел к нашему дому. Ото всех меня, моя умница, оберегает!

Я СХОДИЛА С УМА

Никто не поверит, что микрорайон, в котором живу я — это окраина города. На самом деле, так оно и есть. Ведь, если спуститься к реке, то можно увидеть противоположный берег, заросший раkitами. За ними виднеются садовые домики на участках, которые по весне часто затопляются. А если по мосту перебраться на ту сторону, то перед глазами, если смотреть из окон вагона, предстанет луговина с озёрами и озёрками, разделяемая как бы на две части железнодорожной насыпью. Если смотреть с берега, где находится жилой массив, любопытному взору откроются Моховые горы с пригородом наверху. А пройдя по берегу к месту, которое зовётся Стелкой, где Волга, делая крутой поворот, сливается с Окой, на противоположном берегу можно увидеть Дятловы горы, с которых со времён зарождения великого города ратник мог видеть: «друг? или ворог?» сплавляется по рекам к городу.

Простору на окраине много, воздух свеж и чист. Роза ветров дует с севера, где располагается пока что районный центр, а в ближайшем будущем район крупного областного центра, каким является мой родной город. Речное пространство дополнительно очищает воздух от дыма и пыли большого города, так что нам вполне может позавидовать любой горожанин, живущий в другом районе.

Стоит только взглянуть на противоположный берег — и сразу возникает ощущение, что находишься где-то за городом. У ног плещется река, на округлых шапках раkit на другом берегу мой взгляд словно отдыхает, и становится умиротворённое на душе. Я здесь как бы заново рождаюсь, лелея внутри распирающее меня чувство.

твовал, как учился, Когда у нее были просветления, она виновато смотрела на сына и почему-то обещала сходить с ним в цирк. И вот он стоял ночью и смотрел, как мальчишки взрывают петарды, запускают ракеты. Глаза у мальчика уже слипались, хотел спать, но он верил, что Дед Мороз придет.

Вдруг среди толпы людей мальчик увидел Деда Мороза, он шел с маленькой елочкой и почти пустым мешком для подарков.

Мальчик бросился в прихожую, накинуд пальтишко, шапку, и как был в тапочках, выскочил во двор. Дед Мороз шел мимо крыльца, слегка пошатываясь. Мальчик кинулся к нему.

— Дедушка Мороз здравствуй! Я знал, что ты придешь! Он ткнулся к нему в тулуп и заплакал.

Мужчина оторопел, но быстро пришел в себя.

— Да, да, внучок, я пришел к тебе, извини, немного задержался.

Он поставил елку в сугроб, и стал доставать из мешка, что там осталось. Извлек синего зайца и подарил мальчику. Денис ласково гладил игрушку, смотрел на Деда Мороза, и шептал.

— Я знал, что ты меня не забудешь! Потом взгляд его остановился на елке, которую Дед Мороз воткнул в сугроб.

— Это тоже мне?

Он кивнул головой,

— Только ты, дружок, прости меня, елка — малость, сломана.

— Ничего, я веточку подвяжу, положу ватку, как снежок, и будет все в порядке. Мальчик взял елочку, прижал к себе зайца, и счастливый пошел домой.

Дед Мороз стоял в растерянности, смотрел в след мальчугану, а потом сказал.

— Пожалуй, этот подарок самый нужный.

Осенью к бабуле зашел молодой человек, поздоровался. Не признала его, лишь, когда спросил про внучку, поняла, кто таков. Он сообщил, что отслужил и хотел бы встретиться с Искоркой.

— Что, сынок, жжет любовь душу?

— Да, не могу забыть!

Дала Авдотья Никаноровна адрес любимой внучки.

— Вот радости то будет! Хорош парень! Счастья вам, да любви!

СИНИЙ ЗАЯЦ (Новогодний рассказ)

Дениска стоял у окна и смотрел на улицу. Фонари ярко горели, в свете луча было видно, как танцуют снежинки, кружась все быстрее и быстрее. Порывистый ветер разбрасывал их в стороны, когда он затихал, снежинки плавно ложились на землю. Мальчик наблюдал за ними, и ему тоже захотелось выйти на улицу и весело с ними кружиться. Но была глубокая ночь, давно где-то пробили куранты. Люди поздравили друг друга с Новым годом, подарили подарки, пожелали счастья, теперь катаются с горки, валяются в снегу. Денис все стоял у окна и думал.

— Может быть, Дед Мороз еще придет и принесет подарок. Так не может быть, чтобы все про него забыли.

Всего год назад у него тоже была елка, и под ней лежал подарок. После того как папа ушел от них, мама долго плакала, а потом стала приходить домой ночью пьяная.

Сегодня про него забыли, бабушка легла спать с вечера, поссорившись с пьяной мамой. Мама сначала кричала, потом плакала и в конце концов заснула. Ей совсем было не интересно, что Дениска делал, что чувс-

Я и вечерами прихожу сюда гулять с собакой. Она бегаёт сама по себе, не боясь кого-то задеть, и я могу представиться самой себе, уйдя с головой в это затмившее всё собой чувство. Кажется, что есть только ОНО и космос, и никого и ничего кроме. Почему же никого? В моей душе есть ты, кому это чувство предназначено.

Поскольку тому, кто выше и могущественнее нас, чаще всего хочется другого придавить. А в данный момент надо мной только низкие тучи и, надо полагать, весь космос, то этот самый космос уже на меня и навалился, достал до самого подсознания и придавил так, что у меня началось очередное завихрение, приводящее к почти полубоморочному состоянию. Вот я уже иду и улыбаюсь, взгляд какой-то отсутствующий, устремлённый куда-то вглубь. Меня и правда нет в этом мире, я вся растворилась в мечтах о любимом... И хорошо, что ни один прохожий не крутит около виска пальцем и не отрезвляет меня, потому что вокруг никого нет. Только я со своей поздней любовью, нахлынувшей, как лавина, да угнетающий космос, связавший меня с тобой невидимыми нитями, стирая грани между вымыслом и действительностью. Какая же блажь вошла сейчас в твою голову, как бы мысленно спрашивала я тебя, перед тем, как ты решился мне позвонить! Ведь, я чувствовала в трубке твоё волнение. Ты битый час, как будто любуясь собой перед зеркалом, ворковал и ворковал, рассыпаясь словами, как бисером и, наконец, назначил мне свидание. А я и согласилась, и начала по своей же воле сходить с ума, стоило тебя увидеть. Вспомнилось, как ты не давал мне проходу, куда бы я ни шла, и что всегда ты был где-то рядом со своим неизменным другом Витькой. Мы всё время о чём-то спорили, разговаривали о космосе, вели расчёты космических скоростей. Почему-то это особенно запомнилось. Я подтягивала

тебя по немецкому языку, а ты, узнав, что я пишу стихи, просил, чтобы я их тебе читала. Но я и не думала этого делать, поскольку была влюблена в другого мальчика, о чём «помалкивала в тряпочку». Вспомнился и твой неумелый поцелуй, и как я тебя резко оттолкнула после. Если честно признаться, столько раз я себя ругала за свою бестактность. Но что делать? Такими уж несуразными мы бываем в юные годы, когда, будучи без ума и опыта в голове, совершаем порой непоправимые ошибки. Как только ты признался мне в том, что из-за меня чуть было не покончил жизнь самоубийством, я в одно мгновение, как на «машине времени», перенеслась в далёкую юность. Конечно, я слышала об этом, но тогда, увлечшись тем красивым мальчиком, в которого была ещё влюблена и моя сестра-двойняшка, не придавала этому значения, зато сейчас, с опозданием, всё и осозналось, и отозвалось. Да что говорить? Выйдя неудачно замуж, конечно же, я вспоминала о тебе. (Но это было позже). «От непонимания дети часто бывают грубыми и жестокими», — продолжала я размышлять. Я не оказалась исключением. Мне и было-то в то время 17 лет. По нашим временам, скажете, совсем почти взрослая девочка? Может быть. Да! Но в те времена всё было по-другому, и молодое поколение взрослело не так стремительно, как сейчас. «У нас было всё по-другому», — всегда думает старшее поколение. А времена нынче, и правда, изменились. А как живётся во времена перемен, каждый из нас сумел прочувствовать на собственной шкуре.

Осознав теперь так остро свою вину за то, что я, по-своему неразумению, оказалась такой безучастной по отношению к тебе, тому влюблённому юноше, который, несмотря ни на что, впоследствии всё равно при-

— Алена, мы сейчас уезжаем, другой очаг ликвидировать, но лагерь наш здесь за деревней.

— Приеду, обязательно зайду.

Весь день девушка думала только о нем, вечером долго сидела на крыльце.

— Иди спать, внученька, он человек подневольный, значит, не сумел.

— Все-то ты, бабуля, знаешь, может, я природой люблюсь.

— Ну, любуйся, любуйся! — сказала бабушка и пошла спать. Далеко за полночь в окно постучал Сергей. Алена, накинув халатик и платок на плечи, выскользнула на улицу.

— Слово дал, держу! Очень хотел увидеть тебя. Он обнял девушку и поцеловал.

— Искорка ты моя! Девушка засмеялась – вы что, с бабушкой, договорились, она днем мне про искорки говорила.

Быстро время пролетело, опять ему бежать с огнем бороться. Так вот урывками на час другой прибежал солдат дней десять. Наконец жара спадать начала, даже тучки на небе стали появляться, пожары поутихли. Сережа больше не приходил, видно, отряд уехал.

Сережа не смог прибежать простится. Совсем девушка загрустила:

— Что, дева, пламя горит?

— Да, бабуля, горит!

Заплакала Алена, уткнувшись бабушке, в плечо.

— Не горюй, вернется он к тебе, не враз, не сейчас, но вернется, — приговаривала бабушка.

— Как же он меня найдет, когда даже не знает моей фамилии и адреса ?

Лето заканчивалось, Алена с бабушкой запасли немного целебных трав, почти все выгорело, и девушка отправилась домой.

че огонь охватит деревья и перекинется на строения, тогда не отстоять.

На помощь пришли солдаты. Бабушка с Аленой голову и лицо покрыли мокрыми платками, в виде масок, изо всех сил боролись с огнем. Когда после короткой передышки Алена подошла к перелеску, из дымной завесы появился силуэт, как призрак, девушка вздрогнула, потом поняла, что это солдат тоже борется с огнем.

Молча, каждый продолжал свое дело, наконец, с огнем справились. Оба пошли к огородам, солдат снял респиратор и пилотку с головы, девушка увидела парня с голубыми глазами. Она позвала его к дому, сели на крыльцо, бабушка вынесла квас:

— Пейте, мои труженики, он силы вам даст!

Сама взяла лопату, пошла им на смену.

— Я Сергей! Мы здесь с отрядом из воинской части. Нас прислали на помощь, — представился молодой человек.

— А меня звать Алена, я к бабушке на каникулы приехала, вот помогаю.

Уже вечерело, бабушка пригласила ребят перекусить. За столом она расспрашивала парня.

— Правда ли, что Дубравка сгорела?

— Да, несколько дворов не смогли спасти, — ответил юноша.

Узнала, что Сергей осенью демобилизуется. Раздался сигнал сбора солдат. Сергей поблагодарил женщин, вышел из дома, Алена проводила гостя. Когда вернулась, бабушка, глядя из-под очков, сказала:

— Чует мое сердце, вспыхнула искорка, как бы в пламя не перешла.

Щеки девушки покраснели:

— Да, ладно тебе, бабушка, выдумываешь все.

Утром Сергей забежал к ним, чтобы увидеть девушку и сказать:

знался, что женится только на мне, через много лет увидев такого импозантного спортивного мужчину, каким ты потом предстал передо мной, я потеряла голову. И мне кажется, навсегда. Бывает же такое! Жизнь, вообще, непредсказуема...

«Где же моя Ася?» — вдруг спросила я себя, вернувшись в реальность, заслышав лай чужой собаки, и тут же опять забыла про свою, стоило мне только увидеть далеко впереди знакомый и грациозный силуэт, несущийся мне навстречу.

«БЕЗ НАРКОЗА...»

ВОТ МОЙ ЧЕРЕД

Вот мой черед, и я поймал
Стрелу чужую,
И в тот же миг с коня упал
В траву густую.

Смерть с черной меткою прошла,
Меня стреножив.
А по травинке вверх ползла
Коровка Божья.

Следил за ней, уж не дыша;
Вот, полетела!
А вслед за ней моя душа,
Оставив тело...

А бой внизу совсем затих,
Победа с нами!
Поставлю свечку за живых
В Небесном Храме.

ЛЕШКА

Кто помнит этот летний день,
Когда почти солдатом,
Шёл Лешка в кепке набекрень
К дверям военкомата.

Навеселе он был чуть-чуть.
А что не выпить, братцы,
Ведь предстоял нелегкий путь —
С фашистской сворой драться.

зверюшек и подкармливает. Знают ее звери, не боятся, могут и на крыльце вместе вечерок скоротать.

Нынче лето жаркое выдалось, дождей не бывало, земля потрескалась, ручьи, болота повысыхали, пожары начались.

Вчера приехала ненаглядная внученька Алена, на каникулы. Учится на докторицу, гордость Никаноровны.

— Аленушка, стара я стала, надо тебе все мои секреты передать, чтобы правильно лечила, говорила бабушка. Было чему поучиться у старой, и внучка не ленилась, во все вникала. Однажды шла Алена из лесу, видит, заяц лежит, вроде и не раненый, а не убегает, взяла она его и к бабушке скорее.

— Внученька, да он никак пить хочет, смотри, как рот открывает. Поднесли к тазу с водой, косою припал к воде, еле напился. Видно, бежал с пожарища, соседняя деревня горит. Давай, милая, мы с тобой из озера воды натаскаем, заполним все емкости, а то и оно скоро высохнет. Не дай Бог, пожар до нас дойдет!

Утром стало гарью пахнуть. Ветер подул в сторону села от пожарища. Пошла Никаноровна к правлению, да стала в набат бить. Народ испуганный бежал на зов.

— Люди добрые, пожар до нас дошел, надо всем дружно браться за дело, если не сплотимся, сгорит село! — призывала бабушка. Авдотья с виду тихая, благообразная старушка, но когда надо, она лидер, готова повести народ в огонь и воду. Она распределила людей, дала конкретные дела каждому и взялась все отстаивать свое село, огонь уже был за перелеском. Люди с лопатами, баграми: окапывались канавами, разгребали валежник, запасали воду, устроили дежурства. Тушили траву, старались не подпустить огонь к перелеску, ина-

Вдруг сверкнула молния, ее стрела пронзила старую яблоню, раздался страшный треск, она вся почернела и разломилась пополам.

Постепенно гроза затихла, лишь издалека доносились отголоски грома. Из дома вышли все на крыльцо и стояли в оцепенении. Старая яблоня безжизненно повисла на заборе.

В выходные дни пришли сыновья пожилого хозяина, распилили яблоню на дрова и отнесли к сараю.

Стало просторней, светлей, но маленькой яблоньке было жалко Антоновку, она совсем недавно стояла такая красивая, вся в цвету.

ИСКОРКА

Далеко в глубинке России, среди дремучих лесов, красивых озер, затерялось село. Когда-то в каждом дворе по пятку ребятишек родилось. Все они выросли, по городам разъехались, мало людей осталось в селе.

Жила здесь бабушка фельдшерица, была она и доктором, и повитухой, и травницей.

Всю свою жизнь посвятила служению народу. Сколько ребят на свет приняла, не счесть, от каких хворей только не лечила. Отовсюду и сейчас народ за помощью к ней идет. Никому Авдотья Никаноровна не отказывала. А своя дочка выучилась, в городе осталась, там и замуж вышла, редко навещается. Одна отрада, — внучку сызмальства на лето привозила. Никаноровна рада-радешенька, да и внучка любит эти места.

Как не любить: дом стоит в стороне от села на лесной опушке, птицы поют, заслушаешься, зверья всякого полно, белки с зайцами по огороду скачут. Бабушка их в холодное зимнее время подкармливает, своей скотины нет, а травы море. Накосит, в стожок уложит, на огороде морковка, капуста растет, себе много ли надо, вот

Но ни отец его, ни мать
На фронт не провожали.
Остался молча он стоять,
И не о нем рыдали!

Он был с пеленок сиротой,
И детства помнил крохи,
Но ощутил своей душой
Трагедию эпохи.

И парень понял, что цена
Призывникам полушка,
Когда зловеще шла война
Навстречу их теплушке.

Потом случались пули влёт,
Штыки впритирку с шеей
Его, бегущего вперед,
На доты и траншеи.

А на привале он мечтал
О Светке кареглазой...
Её во сне он целовал,
А наяву – ни разу.

О ней он думал вновь и вновь,
Боготворил не меньше,
И нёс святую к ней любовь,
В грехе не знавший женщин...

Но час настал. Он лишь вздохнул
(Уж не солдат, а взводный),
Упал с улыбкой, как заснул –
Счастливый и свободный.

Спустя полвека в поле том
Парнишку отыскали,
Нашли в сохранности при нем
И орден, и медали,

И гильзу тоже вскрыли, но
Фамилии там нету.
Есть лишь из прошлого письмо:
«Я твой навеки, Света!»

СМЕРТЕЛЬНЫЕ СОНАТЫ

Уехал на войну артист провинциальный
С винтовкой на плече и скрипкою в руках.
Судьба его вела дорогою фатальной –
Рубаху-скрипача в кирзовых сапогах.

Он на привалах так играл самозабвенно
Мелодию любви, поднявшись над войной,
Что каждый взмах смычка в той жизни
трижды тленной
Вселял в сердца бойцов надежду и покой.

— Давай, артист, давай! — просили вновь
ребята. —

Давай еще, браток, нам души подлечи.
И “заводил” скрипач им лунные сонаты
Под полную луну в растерянной ночи.

Но как-то раз, когда заохали метели,
Получен был приказ взять вражеский окоп,
Но пули над землей так яростно свистели,
Что даже командир поднять бойцов не мог...

Подошел пожилой мужчина, взял бережно яблоньку в руки и понес в глубину сада. Он вылил ведро воды в яму, поставил яблоньку, воткнул большой шест, добавил земли, ей стало тепло и уютно. К шесту привязал яблоньку он ленточкой, чтобы не сломалась.

Яблонька увидела, — рядом с ней стояла старая яблоня в цвету, хотя сад уже отцвел. Невдалеке — молодая груша, очень важная. Она была рядом с мамой — грушей, чуть дальше шушукалась стайка вишен.

— Меня звать — вишенка Шоколадница. А тебя как?

Маленькая яблонька почувствовала, что все ждут от нее ответа.

— Я — Звездочка.

Старая Антоновка ворчливо проскрипела:

— Что-то не слышала я таких названий, хотя прожила большую жизнь и немало повидала.

Звездочка испугалась и замолчала.

Штрефлинг прошелестел могучей листвою,

— Ты, старая, отстала от жизни, сейчас много новых сортов вывел человек. Не бойся, Звездочка, милости просим в наш сад, здесь народ дружный, и хозяева хорошие. А старая Антоновка у нас умница, каждый год радует своими цветами и богатым урожаем.

Каждый день для Звездочки был добрым и веселым, особенно, когда к ним приходил ветерок. Он весело играл с листочками, вишенки веселились, шелестя листвою.

А сегодня с утра небо было в черных тучах, и ветерок не приходил, а дул сильный порывистый ветер, лил дождь. Деревья качались, ветер рвал их ветки. Яблоньке было страшно. Хорошо, что ее удерживал шест, и защищала своей кроной Антоновка, а так, наверно, злой ветер сломал бы малышку.

ЯБЛОНЬКА

*Уже закончилась весна
и отцветает сад,
А яблоня вдруг ожила,
как будто невпопад.
И ветки старые ее
Среди листвы седой,
Покрыли нежные цветы
Отрадной белизны.
Бывают чудеса
И верится опять,
Роскошно яблоня цветет.
И можно яблоч ждать.
Поэт Антон Рысаков.*

Маленькую яблоньку привезли из питомника, поставили у крыльца в ведро с водой. На улице жарко. Дорога была длинная, в машине тесно, там еще стояли кустарники малины, смородины, рассада цветов и разный инвентарь. Напившись, яблонька подумала

— Наверное, добрые люди купили, если сразу же позаботились о ней.

На крыльцо выбежал мальчишка лет десяти. Он громко закричал:

— Где Лешкина яблонька?

Женщина из дома ласково ответила:

— Около крыльца.

Яблонька была удивлена. Почему она Лешкина? Неужели ее отдадут мальчишкам на растерзание! Вскоре из дома вышла молодая женщина с малышом на руках. Она подошла к яблоньке,

— Здравствуй, милая. Мы сейчас найдем тебе хорошенькое местечко, подготовим почву для посадки, и будешь ты расти, вместе с сыночком Алешей. В нашей семье принято в честь рождения ребенка сажать дерево, вот мы тебя и купили.

И встал тогда скрипач на бруствер, и на скрипке
Внезапно заиграл: «Вставай на смертный бой!»
Со скрипкою своей и грустной улыбкой,
Повел артист бойцов в атаку за собой.

И кровь текла рекой, и падали солдаты,
Но взяли тот окоп. Я помню до сих пор:
Слились в протяжный вой смертельные сонаты,
Когда на снег упал боец...скрипач...актер...

ПРИВЕТ, РОДНЫЕ, ЭТО Я!

Домой вернувшись, снял медали
Солдат, и рухнул в тишину.
Но во дворе вдруг закричали, —
Играли мальчишки в войну.

А у солдата ныли раны,
Которых и не сосчитать.
И он тогда напился пьяным,
Чтоб боль жестокою унять.

Но вспоминал, как рвали тело
Осколки, пули, штык-ножи,
И голова его горела,
И становилась пыткой жизнь,

В которой нет уж больше места
Бойцу с разбитою судьбой.
Семью его еще под Брестом
Накрыло бомбою одной...

Был путь его суров и долог,
Он всю Европу прошагал.
Но вот вернулся, и осколок
До сердца в первый день достал.

И перед смертью солдату
Его привиделась семья.
И он воскликнул, как когда-то:
«Привет, родные, это я!»

Теперь у воина едва ли
Отнимет кто-то тишину,
Хоть во дворе опять кричали, —
Играли мальчики в войну...

НЕ УБИВАЙТЕ ПАМЯТЬ

*(Солдатским матерям Великой
Отечественной посвящается)*

Нет больше поколения великих
И беззаветных русских матерей
Дома которых освещали лики
За Родину погибших сыновей.

Где были похоронены ребята,
В какой могиле братской их тела?
А, может, разорвало их гранатой,
Иль унесло течением Днепра?

И потому лишь к фото...нет — к иконам
Старушка-мать могла цветы принести,
И прошептать с молитвой и поклоном:
«Вы сохранили воинскую честь!»

Мужчина очень испугался, бросился за ней в воду, мокрую испугавшуюся девушку внес на руках в пиццерию. Громко позвал служашую, попросил оказать помощь, очень суетился, извинялся. Маргариту в служебной комнате обсушили при помощи фена и утюга. Мужчина стоял у дверей, когда она вышла, пригласил за уже накрытый стол. Он все время просил прощения. Девушка улыбнулась и на итальянском языке ответила ему, что прощает. Он еще раз извинился и заказал пиццу «Маргарита». Девушка рассмеялась и сказала, что это ее имя, он встал, представился — Джовани.

Перекусив немного, они отправились на такси — гондоле по каналу. Гондола была украшена коврами, впереди на носу лодки сидел певец в широкополой шляпе и очень красиво пел. Маргарита вернулась в отель утром, Джованни уговорил девушку встретить рассвет, это, конечно, зрелище потрясающее.

Солнце медленно поднималось, все кругом становилось розовым: дома вода, воды много и тишина. Расстались они с грустью, не обещая друг другу ничего.

До отъезда домой Маргарите оставалось два дня, она часто вспоминала утро в Венеции и того парня, ей хотелось вновь встретиться, но, видно, не судьба.

Перед тем как отправиться из Рима, решила, как принято, посетить фонтан Желаний и бросить монетки. Выполнив ритуал, девушка смотрела на воду в задумчивости, ее неожиданно взяли за руку, это был Джованни. Глаза его светились, он широко улыбался.

— Я знал, что ты придешь к фонтану, и понял, ты из России! Не могу забыть тебя! Ты мне снишься! Везде вижу тебя, ищу в толпе.

Он ее обнял и горячо поцеловал.

Маргарита растворилась в его поцелуе.

В Венеции вместо трамваев, грохочущих по мостовым, люди перемещаются в гондолах. Можно на такси — гондоле, украшенной коврами, индивидуально со скоростью, или стоя, в битком набитой гондоле — подешевле, как в наших трамваях.

Маргарите нравилась красивая речь, веселые праздники с музыкой и зажигательными танцами. Песни поют все, здесь говорят, итальянец родится сразу певцом.

Сегодня, посещая Венецию, прежде нужно сходить на улицу художников, где выставляют свои произведения только признанные, в конце улицы — выставка Бьеннале, — современное искусство авангардистов. Девушка знает толк в живописи, она много видела выставок, но это что-то невообразимое. Перевернутый танк, местами намазанный яркими красками, драные соляные сапоги, их художник сначала положил в соляной раствор, а когда они пропитались солью, окунул в Средиземное море, потом положил в морозильную камеру, и эти бесформенные белесые сапоги выставил на обозрение. А вот где-то на углу дома стоит ящик ржавый с рыбой; стог сена с дыркой, из которой струится сено. Выставка кажется нелепой, среди экспонатов и посетителей передвигаются живые скульптуры; стол с огромным количеством заварных чайников, привезенных со всего мира, люстра из тысячи стеклянных бутылок.

Маргарита под впечатлением выставки, поразившей своей оригинальностью, почти три часа бродила среди хлама. Она очень устала, решила заглянуть неподалеку в пиццерию. Поднялась на мостик, чтобы зайти в нее, когда один из мужчин, громко разговаривающих у входа, резко повернулся, и нечаянно толкнул Маргариту, она не удержалась и упала в воду.

Уж поколение внуков тает, тает,
А дети их, в плену своих химер,
Не все, но очень многие считают,
Что эти фото «портят интерьер»...

* * *

Мы учиться пошли, когда первопроходец
Гагарин
Над Землей онемевшей победный виток
совершил.
Мы под слово «Поехали!» ранцы свои
собирали
В первый класс, словно в космос бездонный,
из тесных квартир.

Но исчезло то время, во мраке туманом
растаяв,
И Гагарина подло из жизни украл самолет...
Мы со школьного бала пришли и узнали:
Пацаев,
Добровольский и Волков отправились
в вечный полет...

МОЯ БЕРЕЗА

Когда меня пугали грозы
В далеком детстве золотом,
Переживал я за березу,
Что за моим росла окном.

Ее трепал жестокий ветер,
Порою бил нещадно град,
Но, распрямивши ветви-плечи,
Она стояла, как солдат...

К стволу щекою прижимаясь,
От мира прячась средь ветвей,
Я понимал — она живая;
Я с ней дружил, и рос я с ней!

Я ощущал своею кожей
Ее ушибы на стволе,
И не встречал берез похожих
С тех пор я больше на земле.

И вот однажды, через вечность,
Я двор свой старый повидал:
Береза в небо взмыла свечкой,
Но я узнал ее, узнал!

И ощутил, застыв, как идол,
Костер душевного огня.
Она теперь — Кариатида,
Что держит небо для меня...

— У меня к тебе просьба, завтра на празднике
цветов танцевать только со мной. Подари один вечер
моей юности!

— А как же сердце, врачи!

— Все будет хорошо, я это чувствую. Ну, уж если
что и случится, так я буду счастлив умереть в объятиях
красивой женщины, подарившей мне вечер юности и
счастья!

ФОНТАН ЖЕЛАНИЙ

Маргарита Веселовская — молодая, красивая
блондинка работала в турагентстве. Она пришла сюда
работать после окончания института иностранных язы-
ков. Ей нравилось все, и она была очень довольна. Об-
щение с людьми, хорошая зарплата, но самое главное
— она много путешествовала.

С детства грезила солнечной Италией, и вот сей-
час у нее есть возможность часто бывать в ней. Вылет
в 2 часа ночи на самолете до Франкфурта, а рано утром
до Рима.

Передохнув немного в отеле, поехали на обзор-
ную экскурсию по Риму.

Бульвар — на нем церковь. Она построена по про-
екту Леонардо да Винчи, и расписывал ее Рафаэль.
Мостки через каналы, по которым гулял сам Данте.

А какие красивые фонтаны: фонтан Желаний,
около него всегда толпится народ. По преданию, если
бросишь в фонтан Желаний одну монету, значит —
вернешься, две монеты — будешь жить в этой стране, а
если три, — то выйдешь замуж за итальянца.

Ватикан — маленькое государство в государстве.

Итальянцы народ эмоциональный, горячий, об-
раз жизни у них своеобразный.

— Аннушка, примерь! Оно как раз для тебя.
 — Я не планировала делать какие-либо покупки,
 — ответила она.
 — Ну, пожалуйста, сделай одолжение, примерь!
 — уговаривала Людмила.

Анна зашла в примерочную, переоделась, вышла сияющая, вертелась перед зеркалом, рассмеялась:

— Наверняка понравлюсь какому-нибудь опенку.

В это время увидела Игоря Васильевича в зеркале, смутилась, и ушла в примерочную. Обрато вышла, отдала платью продавщице. Ехали всю дорогу молча, не могла учительница позволить купить дорогую незапланированную вещь, от этого чувствовала свою ущербность.

Утром, когда они пошли в лечебный корпус, в дверях увидели Игоря Васильевича, к нему навстречу шел молодой лейтенант, только что вышедший из автомобиля.

— Здравия желаю, товарищ генерал! Разрешите обратиться!

Игорь Васильевич поприветствовал лейтенанта, и они пошли к беседке.

Ничего себе, сосед-то — генерал!

За ужином генерала не было, женщины думали, что он уехал и даже не попрощался. Стало грустно, они даже не пошли на вечернюю прогулку, сидели в номере, смотрели телевизор.

В дверь постучали, на пороге стоял Игорь Васильевич с букетом роз и красивой коробкой. Он протянул букет и коробку Анне.

— Аннушка, прости меня, старого опенка за дерзкий подарок.

Он открыл коробку, в ней лежало то самое платье, которое ей понравилось.

НОЧЬ В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

А лес играл сонату
 Весеннего заката;
 Стучал бродяга-ветер
 По клавишам стволов.
 Мажорно-опьяненно
 Раскачивались клены,
 И был наполнен вечер
 Мелодией без слов.

Как вековые ели
 Божественно скрипели
 Смычками возрожденья
 На скрипках бытия...
 Заснувший под Луною,
 Парю я над собою,
 Над маленьким мгновеньем,
 А это — жизнь моя.

ТОРОПЛИВЫМИ СТРОЧКАМИ ДУШУ РОНЯЕТ ПОЭТ

Затерявшись среди огнедышащих
 звезд и планет,
 Растворив по крупницам сознание свое
 во вселенной,
 Торопливыми строчками душу роняет поэт
 В свой заветный блокнот неразборчиво,
 но откровенно.

И подвластны отныне ему и другие миры,
Где под сорок жара, или, может, по пояс сугробы.
Только бы избежать притяжения черной дыры,
Только бы не упасть ему в это сплетение злобы...

Приземленным же людям доньше понять не дано,
Как так смертному можно среди звезд
в вышине раствориться?

Но поэт — он во все времена не от мира сего, —
Когда славит любовь, или даже когда матерится.

ЗЕМЛЯ ВНОВЬ СТАНЕТ ДЕВСТВЕННО ЧИСТА

Слезилось небо каплями дождя
И хмурилось свинцовым небосводом,
Унылая осенняя погода
Вернулась в середине декабря.

А в Греции метель Йоргоса пела,
В Сахаре снег...Быть может, это сон?
Иль колесо бездушное времен
Над головами грозно заскрипело?

И боги древних вдруг зашевелились:
Проснулся Хорс. Ярило в ярость впал,
Стрибог ревуший ветер подгонял,
Мокошь в слезах за голову схватилась...

Замкнет ли круг? Из древнего Тибета
Пророчества. И Майи календарь;
Всё направляет нас в иную даль,
Но не страницы Нового Завета...

И со Вторым Пришествием Христа
Земля вновь станет девственно-чиста.

луй, к боровичкам, весь такой респектабельный. Он оказался земляком Анны, тоже из Питера.

После полдника, приодевшись в лучшие наряды, они отправились на вечер знакомств. Сонька выглядела потрясающе, васильковый сарафан с накидкой. Глаза голубые стали еще ярче, выглядела она, как модель с обложки журнала. Что говорил главный врач, ее явно не интересовало. Она внимательно осматривала окружающих.

После беседы с врачом все разошлись, Анна с Людмилой сели у моря на валуны, вели тихую беседу о своих житейских проблемах. Когда стемнело, к ним подошел сосед по столовой.

— Не бойтесь, что волной смоеет? — спросил он.

В общем, поболтали, пошутили немного и разошлись по номерам. Сонька пришла под утро, очень довольная.

— Как хорошо-то, девоньки!

Сняла одежду, плюхнулась в постель и тут же заснула.

Людмила с Анной и соседом по столовой большую часть времени проводили вместе: на лечении, прогулках, ароматерапии. Сосед Игорь Васильевич оказался замечательным собеседником, много общих интересов. Правда, он перенес обширный инфаркт, и выходить за пределы санатория ему не разрешалось. Доктора строго следили за его передвижениями. Спустя две недели лечения электрокардиограмма показала значительные улучшения. Ему даже позволили съездить недалеко на экскурсию в «Ласточкино гнездо».

Экскурсия всем понравилась, после нее женщины зашли в магазинчик, просто посмотреть. На витрине висело платье из шифона сиреневого цвета с маленькой брошечкой, веточки сирени. Женщины были очарованы.

устраивают день знакомств. Главный врач знакомит с местными порядками. Какая аппаратура есть, как себя вести. А самое главное, надо успеть осмотреть, каков контингент, и выбрать себе грибочек по душе.

— Это как, что значит — грибочек? — хором спросили женщины.

И стала Сонька рассказывать, как выбирать нужный грибочек.

— Мужички в возрасте 30-35 лет, — грузди крепкие, сильные, особенно хороши черные грузди — горячие. Хороши боровички, они постарше — 35-45 лет, как правило, богатенькие, степенные, не скупятся. Подосиновики — тоже ничего. Маслята — так себе, будут говорить про любовь, в основном, к своим домочадцам, ни денег тебе, ни любви. Опята — это совсем плохо, ни денег, ни силы, одни болезни. Одним словом — кефир, да сортир.

Женщины были удивлены таким раскладом.

Людмила спросила:

— А женщины тоже так распределяются?

— А как же, обязательно, — констатировала Сонька.

— Мы с вами — «Дуньки», молодые, ядреные, но подержанные, так как замужем, но спрос на нас большой. Сыроежки — девчонки молоденькие. Лисички — бабенки до 50, себе на уме. Бледные поганки — старые девы за 50. Уж если укусят, сразу отравят. От них подальше всем быть.

Просветив женщин, Сонька, довольная произведенным впечатлением, поспешила на разборку.

В столовой Анну с Людмилой посадили за один стол, там уже сидел мужчина, седой, высокий, красив собой. Женщины познакомились и невольно подумали: — к какой категории грибочков он относится. Пожа-

ЗАПЛАТЫ ЗАКАТОВ

Бездонно-безбрежно,
кроваво-мятежно,
но нежно
Заплаты закатов —
кровавые латы
утраты
Мелькают, стекают
до самого края
и тают
И что-то иное
созвездия строят
над тьмою...

ДВА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Мой верный друг, мой верный пес;
Мы не сгорим и не потонем.
Куда б нас случай не занес, —
Везде мы «два в одном флаконе».

Верти, верти своим хвостом,
Держи свои полбутерброда.
В лесу у нас сегодня дом,
Ведь распрекрасная погода!

Ах, этот лес, чудесный лес,
Волшебна пахнущая хвоя...
Нас в этом храме только двое,
Всего лишь двое — я и Рекс.

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЗДОМНОГО

Ответьте, для чего вы рождены,
На злато променявшие свободу,
Дрожащие за кресла и чины
Бездушные моральные уроды?

Я нищ и гол, да только никогда
Ни перед кем еще не пресмыкался,
И не боялся тяжкого труда,
Да и начальства тоже не боялся...

Теперь богатым есть резон спросить:
Чего же ты трудом своим добился?
Тебе сегодня даже негде жить —
Уж лучше бы ты вовсе не родился...

Так что с того? Природа — вот мой дом,
И это что, не царские палаты?
К тому же вы забыли и о том,
Что ЖЭК с меня не требует квартплаты.

А пенсией доволен я вполне,
И ни к чему мне лавры бизнесмена.
Свобода! — Это все, что нужно мне...
Ну, и в придачу, бочку Диогена.

Сел за руль. Машина, как зверь, взвыла, и они помчались вперед.

Водитель без остановки рассказывал, как сам соорудил это чудище, успевал комментировать красоты крымской природы, в конечном итоге запел песню. Он был такой непосредственный и счастливый, что Анна успокоилась. Доехали действительно быстро, она расплатилась и пошла оформляться в санаторий.

Поселили ее на втором этаже в трехместном номере, с видом на море. В комнате уже присутствовали две женщины примерно такого же возраста, что и Анна — лет 30-35. Яркая, голубоглазая блондинка с пышной грудью сразу напористо стала знакомиться:

— Сонька из Кандалакши!

Вторая — на вид скромная, представилась:

— Людмила из Таганрога!

— Анна Михайловна из Питера!

— Ну, девоньки, так не пойдет, мы ведь не в школе на педсовете! — возмутилась Сонька.

Анна была смущена,

— Тогда зовите, как домашние называют, — Нюта!

— Это что значит, Нюрка, что ли, да? — спросила Сонька.

Сонька говорила непрерывно: — и что она буфетчица, и что мужик у нее «козел», и сын — «оболтус».

— Вы, девоньки, что приехали лечить?

Женщины, не понимая, смотрели на нее.

— Да что тут не понятно, душу и тело или так себе!

— Вот, я езжу, всегда сначала тело лечу, то есть, мужичка себе подходящего найду, а там и душа излечится, если мужичок, ничего, попадет. Для этого надо в первый день на разборки попасть. В санаториях всегда

будете пить и не умрете в 70 лет, а станете молодеть, и все болезни уйдут от вас. Я так вас люблю и не хочу, чтобы вы старели и умирали.

Бабушка прижала его к себе, смахнула слезу со щеки, сказала:

— Спасибо тебе, внучек.

Кто знает, может, и правда он изобретет эликсир молодости.

САНАТОРСКИЕ РАЗБОРКИ

Анна Ивановна, уставшая за учебный год, получила в профкоме путевку. Поехала подлечиться. Она — учительница, нынче выпускной класс, нужно подготовить ребят к экзаменам. Масса комиссий.... Даже когда болела, не могла пойти на больничный. Это ее первый выпуск и от того, как ребята сдадут, зависит, какое место займет она в коллективе.

Наконец все позади, ребята не подвели, а теперь — к морю!

Полет на самолете прошел благополучно. В аэропорту на пассажиров набрасывается орда таксистов и местных жителей, сдающих квартиры. К Анне лихо подлетел молодой человек:

— Гражданочка, вам куда? Мигом домчу, задешево!

Она улыбнулась и пошла за ним. За углом магазина стояла машина, если ее можно так назвать. Какой-то «студебеккер», — ни окон, ни дверей не видно. Четыре колеса, сверху бронированный кузов, в кабине смотровая щель, как в танке. Она было собралась отказаться, но молодой человек приподнял какую-то шторку, забросил чемодан, открыл подобие дверцы,

— Прошу Вас!

В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ УСТАВОМ НЕ ЛЕЗЬ!

Не тащите свой устав
В монастырь чужой!
Тот всегда бывает прав,
Кто в ладу с землей,

С той, что связан навсегда
Узами судьбы,
Где плоды его труда,
Отчие гробы...

Хватит вам уже таить
Темные дела,
Не мешайте нам свои
Лить колокола!

Ты не брат, и ты не друг —
Все вы палачи.
Вот оставим завтра плут,
И возьмем мечи!

ЛИПКИЙ УЖАС ПЕРЕХОДА

Я туда, где до рожденья
Пребывал, опять уйду,
Чтоб земные сновиденья
Вспоминались лишь в бреду,

Чтобы звездною дорогой
Мне на все найти ответ,
Чтоб душою слиться с Богом,
Даже если Бога нет.

Но под тленным небосводом
Сердце екает в груди –
Липкий ужас перехода
Ожидает впереди,

Ибо свет, что кличут белым,
Как дантист, суров и груб,
Воспарить душе над телом —
Без наркоза вырвать зуб...

с палочкой. Он ее расспросил о болезни. На следующий день подошел, когда она прогуливалась во дворе.

— Анна Ивановна, вот вам 14 листочков американского клена. Прикладывайте к больному месту и завертывайте шерстяным платком. Обязательно поможет!

Почему 14 листочков и, именно американского клена, трудно сказать. Может быть, вычитал в энциклопедии, может быть — интуиция. Важно, что ребенок стал задумываться, как помочь больным. А знакомая бабушка вскоре оставила палочку, и каждый раз говорила, увидев мальчика:

— Мой доктор идет! Учись, Алешенька, хорошо! Доктором будешь!

А он не забыл цифру 70.

Отдыхали они на море с бабушкой. Идут по берегу, он спрашивает:

— Бабуля, а вам с дедом сколько лет?

— Скоро по 68 будет.

— Это хорошо, есть еще время! — сказал внук задумчиво.

— Бабуль, у тебя есть пакетик?

Она достала его из сумки, Алеша стал собирать в него водоросли.

Бабушка спросила:

— Алеша, что с ними будешь делать?

Внук так был увлечен, — вопроса не слышал. Потом они сходили в сосновую рощу, там он собрал сосновые шишки — 20 штук. Вечером, перед сном спросил:

— Ты сможешь купить мед горных пчел?

— Алеша, расскажи свой секрет!

— Ладно, так и быть, скажу. Я придумал формулу эликсира молодости. Вот приготовлю его, вы с дедом

«Я ЗНАЛ, ЧТО ТЫ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕШЬ...»

ЭЛИКСИР МОЛОДОСТИ

Алеша проснулся рано, вышел на кухню попить воды. Несмотря на столь ранний час, вся семья сидела за столом. Мама плакала, мальчик испугался.

— Мамочка, тебя кто обидел?

Она, закрыв лицо, громко рыдая, вышла в коридор. Старший брат сердито сказал, чтобы тот ушел к себе в комнату. Когда пришла бабушка Аня, она застала перепуганного внука в углу комнаты.

Бабушка прижала его к себе и стала тихонько объяснять:

— Алешенька, жизнь так устроена, — кто-то родится, а кто-то умирает. Человек в среднем живет 70-80 лет, организм изнашивается и он умирает. Вот и бабушка Клава — мамина мама сегодня умерла, постарайся не докучать взрослым.

Ситуация, конечно, сложная. Нужно ли было говорить об этом восьмилетнему ребенку? Бабушка решила сказать и не изолировать его от жизни. Дети должны жить жизнью семьи, чтобы умели сопереживать, помогать.

Алеша все понял и даже удивил, когда после кладбища все родственники сидели за столом и поминали усопшую. Ребенок встал, подошел к иконе, стал креститься, что-то шептать. Усопшая была атеистка, и в семье никто не проводил никаких обрядов. Значит, он видел, как люди ведут себя перед иконой. Может быть, по телевизору, — дети видят все и запоминают.

Алеша решил, что все, кому исполнится 70 лет, умирают, так как бабушке только весной исполнилось 70 лет. Он стал внимательно относиться к пожилым, помогать. Увидит пожилого человека, доведет до дома. Вот бабушка с десятого этажа на улицу стала выходить

«Я ВЕРНУСЬ...»

* * *

Как живой песок сквозь пальцы,
Утекают жизни годы.
Мы пока еще не старцы,
Но уже слегка немодны.
И об этом в бровь и в глаз
Нам твердят десятки раз.
И твердят нахально, нагло
Те, кому молчать бы надо.

* * *

Я становлюсь немного сумасшедшей,
Когда вы рядом, и, боюсь,
Что очень скоро в доме сумасшедших
Я окончательно обоснуюсь.

Вы задаете мне вопросы-тесты,
А я несу такую чепуху,
Как будто мне семнадцать, и невестой
Пришла я на свиданье к жениху.

Простите: я шучу. Мудрей богини
Живу я, презирая неудачи,
Приемлю все. И верую отныне,
Что счастье в том, чтоб жить, смеясь и плача.

* * *

Кто видал прекраснее творенье –
Женщина с младенцем на коленях!
Светел лик ее, глаза бездонны,
Как у Рафаэлевской Мадонны.

Сын иль дочь – совсем не в том значенье!
Главное – что жизни продолженье.
Время мчится по великой трассе,
У нее же молодость в запасе!

За ее дитя мы все в ответе.
Пусть же небо чистое – над ней!
Ведь когда стреляют на планете,
Попадают в сердце матерей!

* * *

На черное-белое мир не делите, используя
краски.
Меж черной и белой есть множество красок
прекрасных.
Не спорю, что подлость черна и ей нет
оправданий.
А честность бела и чиста, словно снег
первозданный.

Какого же цвета любовь? – Расскажите
на милость!
Ни черной, ни белой любовь даже в полночь
не снилась.
Сиреневых, нежных оттенков любовь
самых юных.
В оранжевых, яростных бликах любовь
неразумных.

собирать мерзких колорадских жуков с картофельных
листьев. И, пожалуй, их розовые личинки были ещё
мерзее. И пальцы до сих пор помнят эту склизкость и
липкость: чур, меня, чур! Никуда не денешься – Божьи
твари.

Огород помогает. Вырастет куча сорной травы в
голове – начинается прополка: осот налево, луковицы
на месте. Иногда нечаянно выдирается и лук. Если кор-
ни повреждены, на место его уже не присадишь. Жаль
только, что теперь не надо, как в детстве, прятать лу-
ковички в сорную охапку, чтобы не ругалась мама. И
жаль, что я уже никогда не смогу повторить за теми ба-
бушкиными каракулями: «Царица моя, Вогородица...»,
потому что потом мне дали знание. А знания дали пе-
чали. И невозможность кощунствовать. И умение ого-
раживаться. И по этому знанию я бы стала виновна. А
бабушка всегда была по своему незнанию невинна. И
чиста. Так и сидела бы с прялкой и крутила бы малень-
кое веретено. И пела бы: три куплета по-тюркски, один
– по финно-угорски, а припев – русский, душевный,
родной. Она бы пела – а у меня бы внутри всё зеленело:
её саженцы, её посевы и всходы.

Посреди лужайки – куст рябины.
 Бузину у древнего оконца.
 Заросли заброшенной малины
 И полынью пахнущее солнце.

Подарила дождики грибные,
 Через рожь изгиб тропинки узкой.
 Подарила счастье – жить в России,
 Гордость – называться просто русской.

МЫСЛИ ЗАСЫПАЮЩЕГО МУЖЧИНЫ

Светит мне фонарь в окошко,
 А я думаю: луна.
 Тихо в дверь скребется кошка,
 А я думаю: жена.

Долго жду, когда откроет
 Дверь тяжелую мою,
 Поцелуем успокоит
 Душеньку заблудшую.

Непонятная, шальная,
 Словно много лет назад.
 Забываться начинает
 Тот далекий дерзкий взгляд.

Жду и жду, когда откроет...
 Поцелуями покроет...
 Но не слышно больше кошки...
 И погас фонарь в окошке...
 Потихоньку засыпаю...
 Не придет она, я знаю...

И повисли у окна
 Темнота и тишина.

В ОГОРОДЕ...

Моя бабушка знала пять языков: три тюркских, один финно-угорский, а пятый — русский. Но она была неграмотная и плохо писала. Закончила всего 4 класса. У нее была тетрадка, в которую переписывались молитвы и евангельские истории. Иногда она садилась за прялку и просила меня ей почитать. Я читала и ничего не понимала. Особенно про Вогородицу. Так и было написано в тетрадке: Вогородица. И мне представлялась какая-нибудь владычица огорода – фея в белом среди свекольных и картофельных грядок. И дело, наверное, было не в ошибке, а в том, как органично перемешивались язычество и христианство: домовые, духи и Божья мать. Куры, огород – и книга. Когда я стала постарше, бабушка садилась за прялку и просила меня почитать ей Евангелие. У нас дома была старая книга конца позапрошлого века. Читать Евангелие было сложно. Буквы были русские, дореформенные — и ять, и фита, а слова старославянские. Но я быстро научилась, и всё равно ничего не понимала: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...». И мне никто ничего не объяснял, а я почему-то и не спрашивала. Бабушка хочет – и я ей читаю. Мне и так было стыдно, что я в быту такая бестолковая: ни пирогов испечь, ни шерсть накрутить, ни скот накормить не могла. Только грядки полола ей в помощь. Выдирала сорняковые всходы и думала о Вогородице. Так и вошла религия в мою жизнь. Как часть житейской культуры: пироги и яйца на Пасху, икона в рушнике и в окладе в углу. Иногда мне кажется, что в этом была уникальная педагогика моей бабушки: читай мне, а я послушаю. И через это чтение я и приобщалась, становилась причастницей. Попадала «в огород». Храма в

обращение к древним, уже ставшим каноническими (и даже хрестоматийными) текстам не выглядит как вольные “вариации на тему”, хотя рифмованное “Слово...” и звучит достаточно необычно для того, кто знает оригинал наизусть – Валерий Темнухин пытается во всем следовать заданному древним поэтом образу, старается ни на шаг не отступить от обозначенного в изначальном тексте музыкального, ассоциативного и сюжетного посыла.

Бесспорная “высокая нота”, звучащая в его переложении “Слова о полку Игореве”, позволяет говорить о его удачах, художественных вехах. Для человека, занимающегося искусством, всякая новая работа – новый опыт, всякое новое произведение – шаг в неизведанное. Верю, что Валерия Темнухина ещё ждёт немало литературных авторских открытий – а, значит, и его читателей тоже.

Елена КРЮКОВА,
член Союза писателей России

БОЛЬШОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД

Я знаком с творчеством Валерия Темнухина по рукописям книг лирики и отрывка «Плач Ярославны» из стихотворного переложения «Слова о полку Игореве». Большой творческий труд проделал В.Б. Темнухин, работая над переложением жемчужины мировой литературы – «Слова о полку Игореве». Он отлично владеет стихом, как в малом, так и в большом жанре, знает русскую историю и произведения древнерусской литературы.

Главное, на мой взгляд, в творчестве Валерия Темнухина – активная жизненная позиция, неподдельный интерес к истории и литературе, искреннее стремление совершенствовать своё мастерство.

О. Владимир ГОФМАН,
член Союза писателей России,
священник Русской Православной Церкви

УТРО

Ты руки протяни, едва проснувшись,
И зачерпни ладонями рассвет.
В прохладу утра телом окунувшись,
Пошли Земле ликующий привет.

Быть может, и Земля тебе ответит
И на добро настроит не спеша.
И станет лучшей утренней приметой
Распахнутые окна и душа.

В ЛЕТНЕМ КАФЕ

Привет, прохожий незнакомый!
Садись напротив – ты мой гость.
Налью тебе вина сухого,
Отведай винограда гроздь.

Себе вина налью я тоже.
Без тоста пригублю бокал.
Сегодня мы с тобою схожи:
Кафе – наш временный причал.

Я здесь скрываюсь от страданья,
И у тебя в глазах – тоска.
За мимолетное свиданье
Спасибо. Мне пора. Пока.

* * *

С чемоданчиком в правой руке
Я однажды уйду в никуда.
Как и жизнь, я уйду налегке,
Мне дорогу укажет звезда.

И, оставив свой дом без замков,
В никуда я с собой унесу
Пару томиков светлых стихов
И подснежник, расцветший в лесу.

В чемоданчике многого мне
Из того, что имею, не взять,
Мы с подснежником ТАМ, в тишине
Будем добрые книжки листать.

ЗНАКОМОМУ ПОЭТУ

Хмурый вечер провожаю.
Встречу серенький рассвет.
По тебе я не скучаю,
Неприкаянный поэт.

Легким шагом пробегаешь
Мимо дома моего.
Ты меня хоть вспоминаешь?
Или тоже: «Ну ее!»

Наши жизни – две кривые
С перекрестком – позади.
Мы холодные, седые,
Как осенние дожди.

ШАГ В НЕИЗВЕДАННОЕ

Валерий Темнухин недавно стал известен читателю по своим стихотворным переложениям “Слова о полку Игореве”. Его творческая попытка достойна уважения: не раз русские поэты делали подобные опыты, какими бы спорными они ни являлись в глазах ревнителей первоизданной чистоты и неприкосновенности изначального (древнерусского) текста – так велико эстетическое и этическое притяжение знаменитого эпоса, и в душе истинного художника, настоящего поэта “Слово...” будит огромную гамму чувств, требующих запечатления.

Самое сложное в этом случае – необходимая “сонастройка” с оригиналом. Думается, Валерию Темнухину удаётся это сделать. Его переложение (или, если угодно, вольный перевод с древнерусского на современный русский) грациозно, напевно, музыкально, обладает естественным и свободным дыханием. Рифма и размер, традиционные для русской классической поэзии, тут идут только в помощь читателю, сохраняя важную интонацию песенности, распевности, столь свойственную русскому стихосложению.

Стихи раньше пелись, и художественный образ певца-Бояна в “Слове...” – это некий символ – знак важности бытия поэта среди своего народа.

Валерий Темнухин обладает несомненным поэтическим слухом – иначе ему не удалось бы схватить верную тональность, определяющую наиболее гармоничное соотношение эпического сказа и русского рифмованного стиха. Приближение одного из древнейших текстов русской литературы к современности – задача не из лёгких. Можно спорить о правомерности или исторической обоснованности этого творческого шага, но то, что он сделан литератором красиво и достойно – уже факт нынешнего литературного процесса.

Попытка обратить “Слово о полку Игореве” в рифмованные катрены – попытка, не только продолжающая уже существующую в русской литературе традицию подобных переложений, но и достаточно смелая для начала XXI века:

Русичам усталым ты всё чаще
 Кожаный колчан полупустой,
 Стрелы прогибая в нём, скрипящем,
 Накрываешь гибельной тоской...»

* * *

Нет, не спорить людям с небесами,
 Коль друг с другом справиться невмочь!
 Заходило страшными волнами
 Море смерти в грозовую ночь:

Паруса круша, живое раня,
 Смерчем завилась ночная жуть!
 Молний в небесах рвануло пламя –
 Словно Бог всевидящий перстами
 Игрю указывает путь

Из пучины бед – к степному долу,
 И в раздолье русской стороны;
 К золотому отчему престолу
 Да в объятья верные жены!

Искра вспыхнула меж нами,
 Вспыхнула – и вновь молчок.
 Мы ленивыми дождями
 Погасили огонек.

ВСЕ ЕЩЕ БУДЕТ

Чашка разбилась. Любимая.
 Ваза разбилась. Красивая.

Верю: посуда бьется
 К счастью – оно взорвется
 Бурей средь тусклых буден.
 Снова мы вместе будем.

Ведь выбросила осколки,
 Не пожалев нисколько!

* * *

Прилетели ангелы-хранители
 И сложили крылья за спиной.
 И спросили: «Где твои родители?»
 Я в ответ: «Уже нашли покой».

Погрустнели ангелы-хранители:
 «Как же будешь жить ты сиротой?»
 Я в ответ: «Помочь мне не хотите ли,
 Если рядом вы сейчас со мной?»

Дайте мне немного силы благостной,
Чтоб не сбиться с верного пути.
Дайте мне немного силы радостной,
Чтобы легче было крест нести»

Помогли мне ангелы-хранители
Ветром крыльев слезы осушить.
Обещали, что в земной обители
Я смогу все должное свершить.

Улетели ангелы-хранители,
Помахали им вослед рукой.

Лишь в моей душе – мои целители,
Не поможет мне никто другой.

О ТВОРЧЕСТВЕ

В творенье – радость, сладостные восходы.
Но кончен стих, любовь – оставь же их,
Ведь в этом акте магия свободы
И вечной юности мотив.

Коль завершил свое произведение, —
То выпусти его из рук,
А не удерживай в счастливом упоенье.
Заполни новым творчеством досуг.

Так розу ты заставил расцвести
И удалился прочь, не ожидая,
Когда она уронит лепестки.
И расцвела в твоих руках другая...

«Свет мой, Солнце Ясное! Ты трижды
На заре вставало над землёй;
Простирая в сумрак луч надежды
Обещало славу и покой.

Солнце полдня, солнце зорь закатных,
Солнце ранней утренней зари!
Проплывая в далях необъятных
Ласково на землю посмотри;

Приноси тепло и свет любому,
Согревая души красотой!
Так зачем сверкаешь по-иному –
Видно, подменённое судьбой!

Что, владыко, жгучими лучами
Настигаешь храбрые полки;
Тяжкий зной колеблешь над полями,
Точно волны призрачной реки?

Жажда, посильнее вражьей сабли,
Так и ходит всюду по пятам
В тех полях, где нет воды ни капли,
Где любимый с воинами –
Там

Гневом распалила степь глухую...
Русичам сжимая луки,
Ты
Тетиву расслабило тугую –
Стрелам нет ни сил, ни высоты;

А земля – под властью половецкой.
Ты, всегда бесстрашен и могуч,
В дальний путь с дружиной молодецкой
Уносился от высоких круч

Киева, князей великих града,
И, ладьи качая на волне,
Святослава, мужниного брата,
Вёл к вершинам славы на войне.

Увлекал вперёд над бездной мрака,
Через тьму препятствий и невзгод
До становищ грозного Кобяка
Хана половецкого. И вот

Вмиг волною княжеских клинков
Разметало войско степняков.

Так верни с победой, господин мой,
Мужа на сверкающей волне,
Чтобы, как и прежде, быть любимой,
Будущему радоваться мне;

Чтобы не вставала утром рано,
Не лила потоки горьких слёз;
Чтобы ты под пологом тумана
Все печали за море унёс!»

Третий день грохочет бой неравный
На степной далёкой стороне,
А в Путивле голос Ярославны
Слышен ранним утром на стене:

* * *

В рисунке спутанных ветвей
И в ряби трав переплетенных
Вдруг видишь контуры зверей
И замираешь удивленно.

И понимаешь: это миг
Слиянья с таинством природы.
И вместе с ней слагаешь стих.
И вместе с ней слагаешь оды.

* * *

Мне хочется тебя коснуться,
Но пусть останется желаньем это.
Влюбленно соловьи зальются,
А мы расстанемся в начале лета.

Дни потекут постылой чередой,
И потускнеет солнце золотое.
И никуда не деться от тоски.
И разорвется сердце на куски...

ОТЧИЙ ДОМ

Я вернусь, я вернусь в этот дом,
Где мурлыкал в руках котенок,
Где синела сирень за окном
От рассвета до самых потемок.

Где ночами в углу, под столом
Собирались веселые гномы
И шептались о чем-то своем,
Спать мешал их полночный гомон.

Я вернусь, я вернусь в этот дом,
Где в шкафу на учете строгом
Затаился конфет сладкий ком,
Их без спроса нельзя было трогать.

Где игрушки мальчишка-добряк
Мне дарил сквозь стенные щели,
Во дворе отдыхал гамак,
И взлетали мои качели.

Я вернусь, я вернусь в этот дом.
Ключ от дома найду – и поеду.
Я себя отыщу в доме том,
А потом загляну к соседу.

Бывают жуткие мгновенья,
Когда судьбы стегает плеть.
И страшно жить в цепях смятенья,
И так же страшно умереть!

* * *

Извечная и острая забава –
Оглядываться в прошлое порой
И спрашивать себя, а что бы стало,
Коль заменить случайность ту – другой?

Ведь в каждом мною прожитом мгновенье
Распутье есть и множество путей.
И тянутся извилины сомненья
По полю темному ушедших дней.

Разгорелась битва утром рано –
На Дону мечи обнажены.
А в Путивле плачет Ярославна,
Причитает с крепостной стены:

«Ветер, ветер! Что ты поневоле
Налетаешь, преграждая путь?
К дальним грозам отменяя горе,
Ласково ладьи качая в море,
Мало в синеве свободно дуть?»

Как на крыльях, мчишь под небесами,
Бьешься против мужа моего:
Всё быстрее гонишь над полями
Тучи стрел на воинов его!

Что ты, повелитель, как в ненастье
Кружишь вихри?
И всё круче бой!
...И моя мечта о тихом счастье
В ковылях развеяна тобой...»

На второй день битвы, ранним утром,
Над Путивлем, с крепостной стены,
Голос Ярославны – просит будто:
«Днепр Славутич! Силою полны

Пенятся твои живые воды,
Прорезая даже камень гор,
В том краю, где волею природы
Диких трав раскинулся простор,

«С вольным ветром по речным долинам,
В тишину недобрую полей
Полечу в тоске неодолимой
Горьким плачем верности моей.

Стонами кукушки неприметной
Прoberусь туда издалека,
Где в кровавой дымке предрассветной
Засверкала грозная река.

А потом над ней, Каялой тёмной,
Промелькну, хранимая судьбой;
Не крылом коснусь волны бессонной –
Белым шёлком с нитью золотой;

Белым шёлком на моей одежде,
На её крылатых рукавах.
Безоглядно верная надежде,
Поспешу, преодолевая страх.

И, когда увижу поле брани,
Буйных трав растерзанную гладь,
Голос мой, рыдая, не устанет
Князя дорогого окликать.

Там, в поток невзгод бросаясь смело,
Одиноких дум сорву печать;
Милого израненное тело
Стану, как умею, врачевать:

Белым шёлком, смоченным водою,
Кровь на ранах мужу оботру,
И дыханье смерти роковое,
Словно призрак, сгинет на ветру...»

НЕЗНАКОМКА

Ее в автобусе я встретила случайно.
Она смотрела неотрывно вдаль.
В глазах огромных поселилась тайна
И затаилась тихая печаль.

Немодный плащ и стоптанные туфли.
Нетонкие чулки, седая прядь.
Казалось, что глаза ее потухли,
И трогал душу их щемящий взгляд.

Она отсутствовала в этом мире.
Жила в своем, глубоком, непростом.
В нем было все – напрасные порывы
И воспоминанья о былом.

И было что-то еле уловимым
В задевшем моё сердце взоре:
Наверное, страданья – о любимом,
Святых надежд прозрачные узоры.

* * *

Когда меня трясет, как в лихорадке,
Я вспоминаю детство, сад и грядки.
И много-много солнечного света,
В который бабушка была одета.
И озеро, и узкую тропинку,
Делящую мой луг на половинки.
И обе половинки составляли
С тропинкой – целое. И душу согревали.

* * *

Уже я сомневаться начинаю:
А был ли ты? О, память? Дай мне силы!
И был ли ты со мной в далеком мае?
Иль мне любовь твоя приснилась?

Припоминаю нежную улыбку,
Твои слова: “ Не мучь, оставь, уйди...”
И вновь готова я пойти на пытку,
И снова боль почувствовать в груди.

А наши ссоры частые и споры —
Все забываю, кроме теплоты
Любимых губ, и повторяю снова
Почти в отчаянье: А был ли ты?!

* * *

Позднее лето бабьим
Люди с улыбкой назвали,
Чтобы хоть изредка бабы
Забывали печали.

Чтобы хоть две недели
Вдоволь повеселились,
Песни свои попели,
Лицами посветились...

Луч предосенний, последний
Возьми осторожно в ладони.
Пусть он тебя согреет
Вечерами холодными.

В поединке добывать победу,
Верным быть и прадеду, и деду,
К ратной славе распалая страсть,

Как питомцу подлинной отваги.
...Но уже подрезаны крыла —
Саблями подрезали бродяги
Из степного дальнего угла.

Их же, соколов, что в бой умчались сами,
Что схватились яростно с врагом,
Словно бы опутали сетями,
Крепкими железными сетями...
Оттого беда грозит кругом!

4. Плач Ярославны

Слышен голос даже на Дунае —
До окраин, горечи полны,
Не кукушки всхлипы долетают —
Ярославны, Игоря жены.

В первый день печального похода,
В тяготах разлуки и тревог,
Вглядываясь в сумрак небосвода
И немую даль земных дорог,

Рано утром одинокой птицей,
Руки, словно крылья, распластав,
Причитает зорям-багряницам,
Причитает с болью на устах:

Вышел из могил, услышав крики,
Князя Кия оскорблённый род.
Словно лес, собой мрачны и дики,
Пращуры собралися в поход.

От накатов городского вала
Выступили, грозные, они.
И сама земля затрепетала,
Кровной мести предрекая дни.

И меня, притихшего от горя,
Горя, что почудилось вдали,
Понесли к просторам злого моря,
На равнину смерти понесли».

Выслушав, бояре отвечали:
«Княже! Правдой оказался сон:
Подступили беды и печали,
Да и взяли разум твой в полон.

То два брата-сокола взлетели,
И престол отцов осиротел.
Но тебя не подняли с постели
Для достойных славы ратных дел:

Порешили, что в жестокой брани
Сами власть возьмут в Тмутаракани,
Пращуров утраченную власть!

Любо соколу противиться закону,
Любо шлемом да испить из Дону –
Первому на ворога напасть;

Пусть он тебе напомним:
Лето ещё вернется.
Лишь поддержи в ладонях
Теплый кусочек солнца.

* * *

Ты, воробушек, птаха серая,
Не летишь в страну, где теплым-тепло,
Ну и я с тобой зиму белую
Пережду в краю, где от зорь светло.
Что нам, серенький, страны южные,
Не утетишься красотой чужой.
Сердцу милые зимы вьюжные
Согревают нас на земле родной.

* * *

Прозрачный рассвет обнажил
Спящие улицы города.
Улица, где ты жил,
Дрожала от синего холода.

Я покидала твой дом
С жарким огнем камина.
В доме уютном твоём
Мы праздновали именины.

В мягких объятьях ковра,
В сполохах рыже-алых
Пили вино “Ночь нежна”
Из тихо звенящих бокалов.

Над нами Равель кружил
Страстно, взволнованно, молодо.
А улица, где ты жил,
Дрожала от синего холода.

ЧИТАЯ НАБОКОВА

*«Искусство любое — обман,
как и сама природа.
Это всё — добрый старый розыгрыш.»*
В.Набоков

Искусство — красивый обман,
Как и сама природа:
Розыгрыш добрый, игра,
Изменчивая погода.

Бабочка — словно цветок,
Не отличишь сразу.
Лист на ветру — мотылек,
Пляшущий танец экстаза.

Поэзия — тоже обман,
Фантазия и смятенье,
Путаных мыслей туман,
В сказочный мир вторженье.

* * *

День примерял свой вечерний наряд,
Когда я ушла из дома,
В котором жила много лет подряд,
Где все мне до боли знакомо.
Там кошки бродили и слушали звук

Или трупным ядом тех бойцов,
Кто костями полёг на поле брани,
Но без тризны — пира храбрецов;
Той, что полагается меж нами?

Или, может, черпают вино
Из морей враждебных, отдалённых,
Где, как видно, русичей полно
Сгнуло, никем не погребённых?

И колчанами полупустыми
Крупный жемчуг сыплют мне на грудь
Мудрецы с повадками степными;
Усмехаясь, а не как-нибудь;

И притворной лаской небывалой
Усыпляют бдительность мою.
Хоть владею силою немалой,
Навязали волю мне свою.

Заскользил я взглядом — выше, выше...
Что в моём случилось терему?
Золотой вершины нет на крыше.
Видят очи только злую тьму.

Там, над крыши гладкими досками,
Где нависла тягостная мгла,
Замахали вороны крылами.
Иль беда расправила крыла?

Чёрные, у древнего кладбища
Вскрикивали вороны всю ночь,
Словно бы для них готова пища,
Только поделить её невмочь.

* * *

Дождь отменяет свиданье.
Разлад отменяет венчанье.

Все зыбко. И все случайно.

* * *

Шумя в деревьях на ветру,
Душа твердит, что я во всем:
В луче, восставшем поутру,
И в небе чистом и большом.

В травинке тонкой на лугу
И в птичке маленькой в гнезде.
Куда я от себя сбегу,
Когда душа моя — везде?!

* * *

Лишь раскудрявилась сирень,
Меня позвал ты на свиданье.
И выбрал ты прозрачный день
В божественном благоуханье.

И я пришла к тебе чуть свет
В своем цветастом сарафане.
И было мне шестнадцать лет,
Не знала ничего заранее:

Зарубежья дальнего посланцы:
Немцы, греки и венецианцы.

Их слова, цветисты и кудрявы,
Раздаются громко там и тут.
И славяне – бравые моравы –
Ту же речь лукавую ведут,

Сладкую как мёд... А вслед с укором
Игорю припоминают хором,

Что в потоке страшного разгрома,
Как в разливе бешеном реки,
Разметало, вдалеке от дома,
Русские бесстрашные полки;

Что в Каяле этой половецкой
Счастье прошлых дней пошло на дно,
И по воле княжеской, отецкой
Золотом потоплено оно;

Золотом, которого не стало
На Руси, в родимой стороне, –
Лучшими людьми, каких немало,
Полегло за князя на войне.

И, пути не ведая иного,
Позабыв, где тьма, а где – светло,
Из седла он выбит золотого
И посажен в чёрное седло.

В дальних степях он пронёсся грозой –
Киевский, властный, Великий – как есть! –
Чтобы кочевник умылся слезою
За вероломство, какого не счесть.

Ложь рассекалась мечами стальными
Наших в боях закалённых полков.
Грохот стоял над холмами степными,
И по оврагам, и в дебрях лесов.

Тут замутились озёра и реки,
Высохли воды ручьёв и болот.
И показалось: сплотившись навеки,
Русь покорила коварства оплот.

Бурой от гнева приблизилась тучей,
Вырвала из половецких рядов
Хана Кобяка. И волей могучей
Строй сокрушила железных полков.

И от излучины синего моря
Вихрем помчалась до киевских гор:
Брошен Кобяк, почерневший от горя,
В Киеве-граде на княжеский двор.

У Святослава – просторна светлица;
Пир зашумел, всем на радостях дан.
...Ходит вокруг и, покорствуя, злится
Некогда главный воинственный хан.

* * *

Было это, братья! И по праву
Посвятили песню Святославу

Что будешь мне в глаза глядеть,
Что буду я пылать, как пламя,
Что нежную сирени ветвь
Возьму на память о свиданье.

* * *

Кто говорит: "Россия умерла?"
А эти родники журчат, как дети.
Березки, нас сводящие с ума,
И радость пробужденья на рассвете.

Кто повторил: "Россия умерла?"
А куст сирени — весь покрыт цветами.
А эти васильковые поля,
И эти грозы майские над нами.

Жива Россия! Но больна, больна.
Больна небезнадёжно, но серьёзно.
Но свято верю: будет жить она,
Пока журчит родник, шумит береза.

*75-летию легендарного перелета нашего
славного земляка В.П. Чкалова через
Северный полюс в Америку посвящается*

ВАЛЕРИЙ ЧКАЛОВ: НА КРЫЛЬЯХ МЕЧТЫ (Поэма о героическом летчике)

*Валерий Чкалов – страсть и скорость,
Он поднял ввысь свою мечту –
В российских голубых просторах
Воспел дерзання красоту.*

РОДОМ ИЗ ВАСИЛЕВА

Село родное – Василёво.
Тянул дед лямку бурлака,
Отец, глава семьи суровый,
Как всех, не баловал сына.
Раскинулось село на Волге –
Здесь жил к труду привыкший люд.
Отсюда путь лежал недолгий
К Нижегородскому Кремлю.
Стал прадед — основатель рода
(«Чка» означало «лед весной»),
И сам в нелегкие те годы
Был крепко связан бечевой.
Отец Валерия, рабочий,
Познал тяжелый труд, и вот
Он в Василёве взял в рассрочку
Буксир – дырявый пароход.
Из десяти детей был младший
В ту пору больше всех любим,
Частенько забавлял домашних
Привычным озорством своим.

Или с громким ржанием к реке,
С ветром споря, скачут налегке.

Но не взять им Киев на испуг,
Не посеять глупую тревогу,
Если русичи встают – за друга друг,
Всюду поспешая на подмогу.

В Новгороде-Северском – трубят,
И в Путивле поднимают стяги.
Тужит враг, бессильно пряча взгляд,
Перед Русью, полною отваги!

И грохочет громами вдали
Слава нашей Северной земли!»

3. Святослав

Святослава сыны, Гориславича внуки
(Игорь да Всеволод, братья-друзья)
Храбро мечи взяли в крепкие руки,
Но просчитались эти князья.

Ложь пробудили распрено новой:
Старшего князя не взяли в поход.
Снова война стала явью суровой,
Снова покоя лишился народ.

А ведь казалось, что мир будет вечен –
Ложь укротил старший князь Святослав.
Славой великою был он отмечен,
Русскую мощь воедино собрав.

Возвышая подвиг всех времён –
Нынешних и тех, первоначальных, –
Пусть звучит, тобой, Боян, взметён,
Песен гром среди полей печальных!

Игорю запел бы самому
Как того Триглава-Бога внуку,
Прогоня всех сомнений тьму,
Светлому грядущему в поруку:

«То не буря, воя в небесах,
Разметала соколов твоих;
Занесла их на своих ветрах
В ширь полей и бросила одних.

Галки голосят среди степей;
Все в тревоге, подняли трезвон;
Стаями-стадами, зверя злей,
Полетели на великий Дон.

Стаями помчалась злая птица –
Хочет с русским соколом сразиться.»

Или песне дал зачин другой
Ты, Боян, внук Велеса пригожий:
«За рекой рубежной, Сулой,
Даль видна, покуда день погожий.

Кони половецкие в полях,
Сытые, давно готовы к бою,
То лежат лениво в ковылях,
То пасутся тёмною толпою

...Влекла его река всесильно
И жарким летом и весной
Своей великорусской ширью
И полноводной глубиной.
Купался даже, если льдинки
Еще тянулись по реке,
И был задорных игр зачинщик
На берегу и на воде.
На лыжах снежною зимою
Здесь мчался будущий пилот.
Не дрогнув перед крутизною,
С откоса мчал на на волжский лёд.
Но сердцем в небо устремленный,
Он так хотел его обнять
И купол, голубой, холодный,
Дыханием согрев, летать.

НАУКА ЛЕТАТЬ

На летчика решив учиться,
Счастливый вытащил билет.
Он жаждет в небо взмыть, как птица,
И в нем земной оставить след.
Сбылась мечта: он за штурвалом
И разрезает небосвод.
А облака так кучерявы,
И солнца луч ласкает борт.
Под ним поля, луга, дубравы,
Деревня, змейкою река...

А он приветствует крылами
Весь шар земной, добр и лукав.
В любимом небе так, как в жизни, –
Упрям, напорист и толков.
Чтоб пользу принести Отчизне,
Собою жертвовать готов.
Умел летать впритирку к крышам,
Под проводами, под мостом.
Он в жизни не терпел затишья,
Но не любил слов лес густой.
Мост на Неве стоит ажурный,
Что с невысокою дугой.
И вот в пролет миниатюрный
Летит Валерий над водой.
Нет, вовсе не по воле ветра,
А точно, на пределе сил,
Все рассчитав до сантиметра,
То, что задумал, совершил.
А как-то раз между деревьев,
Умом раскинув, что и как,
Он на крыле прошел, отмерив
Опасный путь, как на руках.
Вот в увлеченье дерзком, светлом
Он, позабыв про всё и вся,
Не две, не три проделал «петли»,
А целых двести пятьдесят.
И как поэт слагает строфы,
Сдержать не мог он страсть и пыл.
За риск на грани катастрофы
Пилот не раз наказан был.

И казалось: в рокоте напевном
Гордо говорила наша честь –
Грозная, как гром на небе гневном,
На врага обрушивала месть.

Но пришли иные времена:
Солнце нашей славы потускнело...
Ныне покорится ли струна,
Поведёт рассказ, как было дело?

Лейся же, как велено судьбой,
Быль суровую поведай без обмана
Песня, что сильна сама собой,
Забывая замыслы Бояна!

2. Боян

О, Боян! Ты пел, как соловей,
Времена иные вспоминая.
Ныне песнь затеял бы скорей
О походах Северского края;

В наше время прежним соловьём
По ветвям высоких мыслей древа
В каждом размышлении своём
Промелькнул, меняя звук напева,

Мысленно под облаком летел
Над Триглава древнею тропею;
Горы и равнины, горд и смел,
Удивляя силою такою,
Чтобы просиял, суров и строг,
Наш Триглав – былого счастья бог.

...Яростью полна лебяжья стая,
Проплывая в синей вышине;
О победе русской вспоминая
В той, давно оконченной, войне.

И о том, как пал на поле брани,
Кровью изойдя от многих ран,
Но не сдал своей Тмутаракани
Гордый князь, краса Руси, – Роман.

...То не десять соколов отважно
Настигали стаю лебедей,
И кричали лебеди протяжно,
О кровавых битвах прежних дней,

А дрожали струны, грянув дружно,
Если их перебирал Боян:
То едва звучали там, где нужно,
То звенели в память о боях.

Начинала петь струна тугая –
Живо, лишь касались пальцы рук
И скользили, сверху налегая, –
Дивно извлекая каждый звук.

И рождалась, братья, песнь такая:
Всё сбылось, о чём мечталось в ней.
О князьях могучих вспоминая
Становились мы ещё сильней.

ИСПЫТАТЕЛЬ

Земля вращалась по орбите,
Вращались люди — ей под стать.
Высоких далей покоритель,
Учил он технику летать.
И с беззаветною любовью
Простор бескрайный обнимал.
Так наслаждаясь небом вволю,
Вершил крылатый карнавал.
А все, кто восхищённым взором
Летели следом за мечтой,
Не рокот слышали мотора —
Биенье сердца, пыл земной.
Аэродром, огней сиянье,
Взлёт и посадка — день за днём.
За испытаньем испытанье,
Работа, подвиг — всё одно.
Но всё ж нередко был строптивым
Лихой пострел-аэроплан,
И лётчик, зная нрав ретивый,
Искал подход и — укрощал.
...Вот он заходит на посадку,
И вдруг — о дьявол: где шасси?
Никак не выйдет — что за прятки?
Ну, хоть руками выноси.
Ещё попытка — нет, ни с места,
За ней — повторных пять иль шесть.
Увы, усилия бесполезны —
Сажать на полосу как есть?

Но Чкалов, веря в чудо, ищет —
Он ставит «ястребок» на хвост,
Заходит в штопор, мчится вихрем
И «петлю» делает взхлѣст.
Лихие бочки, иммельманы,
И повороты на крыло,
Восьмёрки, петли — пик дерзаний,
Так победил — судьбе назло.

ПЕРЕЛЕТ ВЕКА К ПОЛЮСУ

И вот большой полет, который
Ждал экипаж не год, не два,
Над всем арктическим простором
На полюс – курс до США.

Из всех машин стал другом верным
АНТ-25, дитя широт.
Тот самый, на котором первым
Наш экипаж встречал восход.

Там, за Камчаткою далекой,
Пройдя неведомый маршрут,
Они сумели сесть под боком
У всех стихий – на остров Удд.

Андреем Туполевым создан
Был краснокрылый самолет.
Звала душа к высоким звездам,
В далекий северный поход.

В составе экипажа дружном,
Как при полете на Восток,
Проверены совместной службой
И Байдуков и Беляков.

Уносились соколы вперѣд:
Взмах крыла – и в бездне голубой;
Каждый, коль пришѣл его черѣд,
Сходу принимал неравный бой.

И лишь сокол смелый настигал –
Лебедей воинственная стая
Разбивалась, как волна у скал,
Пела песню, крыльями плеская:

Рассыпалась похвалой
громкой
Мудрому бывшему Ярославу;
Отголосками молвы звонкой
Воздавала храброму Мстиславу

Почести за трудный, долгий бой;
Мужество, ведущее к победе.
В поединке том, храним судьбой,
Князь ни в чём не уступил Редее.

Но, сражѣн Мстиславом, весь в крови,
Сам Редеея – грозный вождь касогов –
Потерял владения свои
У Кавказа северных отрогов.

Не помог к боям готовый полк –
Не успел на Русь начать похода.
Хоть и знал Редеея в силе толк,
Был повержен пред лицом народа.

* * *

Вспомним, как в минувшие года
Расцветала Русь, другим на диво.
Первые сказители тогда
О грядущем пели прозорливо.

И Боян, коль захотел кому
Песнь сложить, умом блистая смело,
То, призванью верен своему,
Начинал задуманное дело:

Сказывал дружинам и полкам,
Следуя старинному напеву.
И сама летела к облакам
Мысль его, ветвясь, подобно древу;

Мчалась серым волком по земле,
Ряла орлом под небом синим;
Словно луч зари в угрюмой мгле,
Русичам отраду приносила.

Сказывал о том, что помнит он
Прошлых лет походы и победы.
Соколов пускал со всех сторон
Миг удачи, вкус борьбы изведать:

Десять поднимал, как чародей,
В небеса – догнать чужую птицу;
На шипящих злобно лебедей,
Что летят на русскую границу.

Идет большая подготовка,
Ведь Север лют, как ни крути.
Того, кто шутит с ним неловко,
Тотчас в ледышку превратит.
Их путь таит судьбы напасти,
Но экипаж не лыком шит.
Ведь испытанье – это счастье
Для тех, кто подвиги вершит.
Не ради славы эпатажной
Лететь не час, не два подряд,
Над вечным льдом паря отважно,
Где даже птицы не парят.
Тяжелый самолет стартует,
В нем за штурвалом командир.
Отличный взлет – друзья ликуют,
Валерий Чкалов – их кумир.
На высоте два километра
Полет идет меж облаков.
И вот среди цветенья лета
Объяты ледяных оков.
И шеф-пилот решает сразу
Подняться выше – труден час –
Туда, где дышится неважно,
Но кислорода взят запас.
И прочь наросты ледяные,
Прошла вибрация совсем.
Так самолет, очистив крылья,
Прорвался сквозь ледовый плен.
Но вот уж новые напасти:
Откуда ни возьмись циклон.
С ним обниматься? В этой части
Уж лучше как-нибудь потом.

Температура – лед и слезы:
 Снаружи минус двадцать пять,
 В салоне до шести мороза,
 Но о комфорте ли мечтать?
 Летит корабль воздушный дальше –
 За параллелью параллель –
 Над океаном, мирно спящим,
 В безмолвье ледяных полей.
 А воздух чист, свеж и прозрачен,
 И даль лучиста и ясна.
 Полярный Север, ты прекрасен!
 Велик тот, кто тебя познал.
 Вот командир вновь за штурвалом.
 Циклон успешно обойдя,
 Он чувствует себя усталым –
 Идет на отдых, смену сдав.
 Пилоту снится Василёво,
 Родные чудные места,
 Земная ширь, дорога к дому,
 И — в небе самолёт-мечта.
 С любимой Волгою свиданье,
 Рябина у тропы лесной.
 Как он, к берёзе припадая,
 Пьёт в наслажденье сок весной.
 ... Немало дел у Беякова –
 Капризен Север, хоть ты плачь,
 И хоть работает толково,
 Здесь пуп Земли – жди неудач.
 Радиogramмы посылая,
 Он связь с Землею потерял.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ (вольное стихотворное переложение)

1. Зачин

Братья! Не благом ли будет для нас
 Песней начать, как в преданье старинном,
 Трудную повесть, тяжёлый рассказ,
 Быль о походе князей самочинном?

... Тех, кто хотели в недолгом бою
 Славу добыть как награду свою;

Храбро сражаясь за землю родную,
 Ратную силу рассеять степную;

Русь удивляя победой неожиданной,
 Снова возвыситься славою бранной.

Старший над ними, душою – орёл! –
 Войско на половцев Игорь повёл –

Игорь, князь Северский, сын Святослава,
 Отчего края надежда и слава;

Князя Олега воинственный внук,
 Не выпускавший удачу из рук.

* * *

Ты люби меня
Нежно, искренне.
Будем жить с тобой
Сердце к сердцу мы.

Береги меня
Так, как я тебя.
Будет нам тепло.
Верь мне милая.

Сердца мудрость есть,
Мудрость Божия.
Одного Его
Только слушайся.

У меня оно
Переполнено
Грустью...нежностью
И любовью...

В пустыне без конца и края
Пропал летящий в центр сигнал.
Чуть справа полюс – ось планеты,
Пусть не согнет ее во льдах.
Победной радостью согреты,
Пилот и штурман вновь в трудах.
А компаса лихие стрелки,
Безумный круг вдруг обежав,
Лишь мечутся, как белки в клетке,
Хвостами куцыми дрожа.
О полюс! Степи ледяные,
Разводья, трещины среди них.
И где-то здесь они, земные,
Папанин, Кренкель и другие
На службе в этих льдах седых.
Мы с вами, Родины посланцы,
Спасибо за бесценный труд –
Известия с метеостанций,
Что для полетов шанс дают.
... А там внизу, чуть припорошен
Снежком полярным, след от лыж,
Сюда успешно переброшен,
Сел самолет в немую тишь.
Был Водопьяновым ведомый
Испытанный аэроплан.
Так полюс северный суровый
Впервые ближе к людям стал.
Всем покорителям отважным
С заоблачных высот привет.
И тройка чудо-экипажа
Встречает главный свой рассвет.

Так и летело наше трио,
 Мечтой наполнив ширь небес,
 И музыку сердец творило,
 Что бились в такт, верша прогресс.
 А на часах четыре тридцать,
 В полете сутки – день и ночь.
 И вот уж холода столица,
 На посошок, как озорница,
 Дыхнув, их проводить не прочь.
 В пять десять мчится телеграмма:
 Все в норме, полюс позади.
 Готовы выполнить задание
 И сердца пыл не остудить.

КАНАДСКИЕ ВЕХИ

Но одолев суровый полюс,
 Прошли они лишь полпути –
 Дано им северную повесть
 Писать – пока есть жар в груди.
 Ее страницы миг за мигом
 Творит усердно экипаж,
 И непогоды злой интриги
 Не в силах выветрить кураж.
 И каждый верит в час победный,
 Путём неведомым идя,
 На удивленье всем медведям
 Над льдами вечными гудя, —
 В коварном царстве Дед-Морозов,
 В краю нетронутых снежков,
 На сдвинутых бровях циклонов,
 Во мгле ершистых облаков.

Чтобы когда-то, с кем-то рядом,
 Иль в одиночестве святом
 Души коснулась ветка сада,
 Цветущего в холсте моём.

И снова всколыхнулось чувство,
 Лелеемое до тоски,
 Рождённое святым искусством
 Немому миру вопреки.

Уж я устал в объятьях века,
 Но всё надеюсь, что смогу
 Утешить сердце человеку,
 Что помнит ветку на лугу.

Смогу сказать ему «Спасибо!»
 Пусть во Вселенной одному,
 За то, что я счастливый. Ибо
 Растрогал душу я ему.

Я часто вспоминаю ниву.
 Она жила. Она ждала.
 Она дарила миру силу,
 Но радости... не обрела.

.....
 Творя, любя и терпеливо
 Титаны духа и ума
 Ушли... грустя несжатой нивой...
 Седая всё объяла тьма...

.....
 А ветка на холсте цветёт...
 И ждёт.

«Я УТОМЛЁН»

Я утомлён, но не годами,
Не неизбежностью труда,
Не ослабевшими руками,
Не сбоем сердца иногда,

А беззаветностью порыва,
Самосжиганьем в пустоте.

.....
Заброшенная кем-то нива
Давно забыта в суете.

Колосья, вскинутые к небу,
Жнеца, увы, не дождались.
Увы, они не стали хлебом,
Без них лениво обошлись

Никто не взял зерна златого.
Его высокий урожай,
Святой мелодией Иова,
Не помянул, не провожал.

.....
Душой бессмертною и чистой
И я признания стяжал,
Чтоб кто-то, далеко иль близко,
Меня по имени назвал, —

Увидел холст. Прочёл бы имя,
Присел, подумал, помолчал
Душой притихшей. И отныне
Меня знакомым почитал.

И говорят: Ещё не вечер,
Когда стихии злой разбой,
И каждый раз готовы к встрече
С полярной бабою Ягой.

Вперед и вдаль, и днем и ночью
Свершенья новые влекут.
Стал остров Мэлвилл первой точкой
От полюса к материке.
Вот высота шесть тысяч метров,
И вновь дышать неважноту.
Снижаться в облака? Наверно,
Но там все та же сверхпроблема —
Обледененье на лету.
Вдруг на стекло плеснулась жидкость,
Что охлаждать мотор должна,
И это означало пытку
Из тех, что были там в избытке,
Где неизвестно, чья вина.
Так, оказавшись у обрыва
В суровой сумрачной дали,
Пилоты, как в одном порыве,
Искали выход и — нашли!
Весь экипаж — одна команда,
И хладнокровен командир,
И словом веским, точным, ладным
Возводит он согласия мир.
Нужна вода, чтоб ей заполнить
Бачок системы и качать.
Но питьевой запасы смерзлись,
Остатков мало — не набрать.

Нет на борту ключа с водицей
 И нет колодца с «журавлем».
 Но как, скажите, умудриться
 Без H₂O махать крылом?
 И вот, мгновенью зная цену
 На самом северном посту,
 Блеснули выдумкой отменной,
 Собрав всю жидкость на борту.
 Здесь были кофе, чай, какао,
 Воды остатки, даже то,
 Что медикам предназначалось
 По окончании всего.
 И как награда за усилия
 Погода в небе – просто блеск,
 Меж тем под корпусом непыльно
 Уже канадский остров Бэнкс.
 А солнце лучиком играет,
 Земной пейзаж – вода и лед.
 И здесь под ними проплывает
 Давно желанный мыс Пирс-Пойнт.
 И это значит, что, достигнув
 Канадских берегов, они
 Всем бедам вопреки воздвигнуть
 Свой главный мост смогли в те дни.
 С приятной вестью ознакомлен,
 Сияя, командир поет:
 «Эх, распрягайте, хлопцы, коней» –
 Вот-вот закончится поход.
 И вновь погода безмятежна,
 Отстали облаков стада.

Героям слава и отрада.
 Могуч «божественный» Эллин.
 Он любит милую Элладу,
 И он Еленою любим.

.....
 Минуло всё... и отдалилось
 И в бесконечности веков
 Сияньем славы озарилось
 Олимпа и его богов.

Легендой сказочно-прекрасной,
 Былиной дивной чистоты,
 Манящей ласково и властно
 Себя являешь миру ты.

Ахея, Спарта, Илиада,
 Афины!.. Ты непобедим!
 Сияет вечною балладой
 Твоё величие Эллин!

.....
 Пленительное осиянье,
 Пронзая грудь — рождает грусть,
 Тоску о Родине печальной...
 Не плачь, моя святая Русь!

Терпеливица и страдальца,
 Вся открытая для любви.
 Богом избранная молчальница...
 Свете тихий... Всегда живи.

ЭЛЛАДА

Ахея помнит и Афины
Времён титанов и богов
Звезды сияющее имя,
Пленяющее храбрецов,

Что без щита вступали в сечу,
Как в поединок — грудью в грудь,
Глаза-в глаза с гортанной речью:
«Елена, Греция — пребудь!»

Елена, дивное создание,
Эллинов слава и хвала
Троянцами в разгар гулянья —
О Зевс... Похищена была!

Эллада, гордая Эллада,
Титанов и богов земля,
Вскипела гневом, как торнадо
И Трою... приступом взяла!

Ликует славная Эллада.
Елена с нею! Вновь она
Венчает лучезарным взглядом
Героя, коим спасена.

Ахилл могучий, Агамемнон,
Бесстрашный, гордый Менелай,
Воспетые слепым Гомером,
Чья слава на Олимп взошла.

Верст за пятьсот от побережья
Медвежье озеро во льдах.
...Опять циклон шальной навстречу,
Знать, поперек ему успех,
Но, не садясь тому на плечи,
Аэроплан уходит вверх.
Здесь, видно, солнце не бывало,
И ситуация – нет слов:
Лететь внизу мешают скалы,
А выше – тучи облаков.
Но связи нет, как ни старайся,
И на исходе кислород.
И яблочек добрые запасы,
Что были, превратились в лед.
...Под ними острова Канады,
В полете сорок третий час.
Погода за бортом что надо,
Видать, устала от проказ.
Идет машина на снижение,
На крыльях — блески серебра,
Внизу — искристых льдов свеченье,
Цветной мозаики игра.
Лететь приятно, шум мотора
Чуть слышен – только песни пой.
Свободно льются разговоры,
И Чкалов делится мечтой.
Он снова говорит с задором –
Коль есть мечта, к чему робеть? –
Что стоит очень даже скоро
Им этот «шарик» облететь.

А там к тому ж вполне резонно,
 Машину подготовив в путь,
 Дорожкой непроторенной
 На полюс Южный всем махнуть.
 ...Все дальше самолет от дома,
 Где ждут героев-сыновей,
 Где в лето года непростого
 Нет их любимей и родней.
 И вновь слепой полет в тумане,
 Ведет машину Байдуков –
 Пилоту жарко, как на стане
 На полевом – там, далеко.
 Их жажда мучает, но тщетно
 Искать водицы на борту,
 И, будто сладкие конфеты,
 Ледышки пресные во рту.
 На высоте шесть тысяч метров
 Дышать без маски все трудней.
 Усталость валит с ног – у мэтра
 Из носа кровь, он побледнел.
 Но кислород свой отдает он
 Георгию, что взял штурвал.
 В почетном званье шеф-пилота
 Он помогать не уставал.
 И пусть совсем ох как не близки
 Равнины их родной земли,
 Идя над гребнем гор Скалистых,
 Все ближе к пику славы шли.
 Проблем не счесть, но как умело
 Ведет курс штурман, и они
 Над островами Королевы –
 Той, что Шарлоттой нарекли.

* * *

Трепет листвы осенней...
 Золото в небе синем.
 Богом благословенна
 Святость твоя, Россия!

 Щедрость — до обнищанья,
 Нежность — до слёз душевных.
 Верности обещаешь
 Песен твоих напевных.

 Чистое, как молитва,
 Каждое в них слово.
 Грустным оно повито,
 Памятию былого.

 Чтоб ни случилось Завтра,
 Что ни свершилось ныне —
 Ляжет в строку правдой,
 Станется былиной.

 Станется всё Былиной,
 Ветром с полей напетой,
 Светлою и наивной,
 Памятью и Заветом.

 Своды небес ныне
 Плечи твои крепят.
 Святость — твоя сила.
 Вечность твоя — в этом.

 Голову преклоняю,
 Сердце щемит снова.
 И на губах замирает
 Слово...

«ТЯЖЕЛО В ДЕРЕВНЕ БЕЗ НАГАНА»

Тяжело в деревне без нагана...
Греет душу музыкальный слог.
Греков многострунного титана
Витязь с балалайкой — перемог.

Тонкий месяц вышел из тумана,
Загрустил в окошке огонёк.
Пьяную гармошку хулигана
Участковый Ваня уволок.

Тишина... ни песни, ни баяна
Сон, как омут, сладок и глубок.
Утром луч и робкий и желанный
Озарит алеющий Восток.

Светлою прелюдией рассвета
Разольётся громкий птичий хор...
Милые поля... Деревня эта
Греет моё сердце до сих пор.

Я к траве, к тропинке припадаю,
Каюсь, что рассеянно любил.
И щемящей болью заклиная:
«Я тебя, родная — не забыл».

Тяжело в деревне без нагана.
Не сказать улыбчивей, добрей...
Грустью и любовью осияна,
Ты во мне до окончанья дней.

Открыт пилотом люк кабины,
Приятно холодит крупа.
И весь корабль, как на смотринах:
Стихия к дерзким не слепа.
Какую чудную дорогу
Им стелет облаков туман!
Ласкает ночка, черноока,
Внизу спит Тихий океан.
Но шли на помощь позывные
С Канады летчикам в тот час.
Когда сигнал с земли родимой
В пути далеком где-то гас.
Устали все от напряженья,
Нет кислорода, мерзнет смесь –
В объятьях облачного плена
Вершат полет свой беспримерный
Они – и вот бензин в обрез.
А это значит, что без риска,
Хоть полюс ими покорен,
Лететь нельзя до Сан-Франциско,
Где ждет большой аэродром.
На третьи сутки, ровно в полдень
Видны прибрежные огни.
При переменчивой погоде
И скрытом дымкой небосводе
Штурмуют континент они.

* * *

Стройна, красива,
Вида строгого.
Любима горячо
Немногими.

Не каждый дерзкий
Мог осмелиться
Лелеять взглядом
Ваши прелести.

А я — осмелюсь...
Мальчик опытом...
Смешав дыханье
Тихим шёпотом:

«Пройди со мной
Одной тропинкою
Богиня, с потрясённым
Иноком...

Сожги... обугли
Поцелуями
И я промолвлю:
— Аллилуйя, им...

Маневр – корабль их всепогодный
Посадку совершить готов.
Вдруг Чкалов видит, что машина
На пашню может встать, и он
— Дай газу, друг, иначе мимо!
И – мчат колеса на бетон.
Прошло мгновение и тут же
Решенье: выключить мотор –
Секунды мчатся стайкой дружной
И бьются о крылатый борт.
Все! Самолет катит, ведомый
Рукой пилота, по земле –
За много тысяч верст от дома,
Мечту принесший на крыле.
Навстречу им несутся люди,
Героев чтоб увидеть вьявь,
А те, еще не веря чуду,
Стоят, любовь земли вобрав.

НА ЗЕМЛЕ

Написана истории страница,
И Чкалов покидает самолет.

Всем доказав, что человек, как птица,
Крылами покоряет небосвод.
И, пролетев сквозь ледяные бури,
Туман и вьюги, мглу и облака,
Умеет там как сильная натура
Смотреть, не задаваясь, свысока.
Привет, Америка, с другого континента!
К тебе воздушный мост воздвигли мы.

Ты видишь, что пришел он, час рассветный –
Мы покорили власть холодной тьмы.
Мы долго приближали это время,
Но одолели Севера простор.
И вот теперь он перед вами всеми,
Наш краснокрылый друг – трудись, мотор!

В холодном небе нет теперь нам равных,
Закончен главный наш эксперимент –
И, плечи богатырские расправив:
— Ребята, принимайте континент!

Стране родной, великому народу
Мы посвящаем этот наш полет,
И, устремляя взор свой к небосводу,
Он закурил –

ПОКЛОН ТЕБЕ, ПИЛОТ!

* * *

Был свет Небесный,
Пылала нежность...
С губами губы —
Не разомкнуть...

Сливались души,
Смолкали песни.
Любовью — Счастьем
Теснилась грудь.

.....
Минуют годы...
Твоя жестокость
Твою же душу
Опустошит.

Но память милых
Времён далёких
Святое «Юра»...
Благословит.

И дрогнет то, что
Душою было.
Теплом последним
Согреет взор...

«Меня любил он...
И я... любила!!!»

.....
Страшнее ада
Судьбы укор.

«ДУШОЙ БЕССМЕРТНОЮ И ЧИСТОЙ»

* * *

Там, где лето босоногое,
Как растаяло, прошло,
Задержалось за дорогою
Мне родимое село.

Под высоким небом благостным
Тихо, кутаясь в листву,
Бережёт былые радости,
Те, которыми живу.

Как подарок, солнце летнее.
Принимаю до сих пор,
В поле тропку незаметную,
В небе — радуги костёр...

И закаты, тайны полные,
И распахнутые к нам,
Снег по крышу колокольную
И друзей птенцовый гам...

Душу все волной горячею
Омывает, молодит...
Утешает, если плачу я.
Сладкой болью бередит.

И живёт во мхе, заветное.
Я в нём памятью живу.
И целую предрассветную
Жизни первую главу.

«ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ»

ДЕВУШКАМ-БАДМИНТОНИСТКАМ

У заморского Гвидона
Чудеса творились дома:
Белка, лебедь, чешуя,
Тридцать три богатыря.

Только вот такого чуда
Не видал Гвидон покуда:
В девятнадцать – верь не верь –
Открывает кто-то дверь,
И плывут из раздевалки
Распрекрасные русалки.

На разминку в стройный ряд
Формируется отряд
Завлекательных девчат.
Все красавицы молодые,
Все спортсменки удалые.

Рот рубин, глаза горят,
Гибкий стан, искристый взгляд.
Нет. Мы не кокетки,
В руках у нас ракетки.

Лена, Вера Булычова,
Оля, Людочка Круглова —
Все стройны как на подбор,
С ними, словно Черномор,
Поприветствовал бойцов
Мастер спорта Варенцов.

Он девчонок этих мучит –
 Мастерству ракетки учит;
 «Здесь, родные, не чарльстон,
 Не фокстрот, а бадминтон.

При забое близкий,
 Значит очень низкий.
 Если бьешь далекий,
 Пусть летит высокий.
 Пусть партнерша скачет
 При твоей подаче.

Не мешайся рядом с сеткой.
 Глянь-ка, как она стоит?
 Врежет по уху ракеткой –
 Ухо в сетку полетит.

Ну, Петрова Люда, врежь!
 С дальней зоны мощный смеш!
 Ростом мы не велики,
 Но в игре боевики.

Быть все время тут и там,
 Гнать партнершу по углам.
 Ну и Вера! Я те дам!
 Так промазать! Стыд и срам!

При неграмотной подаче –
 Сто процентов неудачи.
 Сделай укороченный
 Партнерше озабоченной.

Афганское знойное лето,
 Почти африканский кошмар,
 И кто б в стране этой не был,
 От солнца хватил бы удар.

Наркотики, дюны и горы,
 В Афгане — почти это все.
 Остались империй позоры,
 А после пески и ничто.

ГОЛУБИ И ВОРОНЫ

Голуби хлебушек делили,
 И между собой дрались.
 Вороны в небе появились,
 За голубей взялись.

Они геройски приземлились,
 И начали клевать,
 Не хлеб, который все ценили,
 А Божьих тварей прогонять.

Они долбили с черной злостью
 По синим головам,
 И голуби бежали молча,
 Друг с дружкой грызлись, —
 Просто срам!

Так вороны и победили,
 С надменностью ходя,
 И голубиный хлеб делили
 Одних предателей шадя.

АФГАНИСТАН

Красивое небо Кабула
В горящих афганских глазах.
Убогая архитектура
Не знает значения страха.

В глазах непокорность и воля
Пуштунских старинных племен.
Аллаха смертников доля
Оставит и смерть на потом.

А небо глядит из-за солнца
На горы, что тают в песках.
Вот это архитектура!
В горах — от которых всем крах.

Война отдаёт дань Аллаху
Войсками погибших людей,
Ведёт все империи к краху,
Которые были при ней.

Один народ непокорный,
Который нельзя покорить.
Захват этот будет позорный,
Смерть будет неверным дарить.

Афгани меняют на доллар,
Уже не на рубли,
Те деньги уже разменяли
На курсы ушедшей войны.

Плоский параллельный –
Он почти смертельный.

А тут что за потасовка?
Не игра – перепасовка.
Видишь, как партнерша бьет?
Ты ей сделай перевод».

И прыгают у сетки
Блондинки и брюнетки
В разметке, словно в клетке,
В руках у них ракетки.

А мы – команда из мужчин.
Молодые как один.
(Коль не замечать седин).
Каждый – зреющий спортсмен
И, конечно, – джентльмен.

Боевой мужской отряд
Разновозрастных ребят.
Все поздравить вас хотят,
Каждый сделать это рад.

Пусть на вашем на столе
Шампанское искрится,
Пусть сегодня вам во сне
Что-нибудь приснится:
Будто вы сестра весне,
Будто вы царица,

Будто ищет вас Ромео,
Мавр орет остервенело,
Будто вас несет Тахир
Через горы за Памир.

Пусть вам в счастье верится,
И пусть в бокалах пенится.
Так в сторону ракетки!
Съешьте по конфетке!

ПРИЗНАНИЕ

Счастлив встретить твой взор,
Ощутить тебя рядом
И вести разговор
Не словами, а взглядом.

Я готов провалиться
В глубину твоих глаз
И в тебе раствориться —
Никого, кроме нас...

ПИСЬМО В НИКУДА

Милое создание моё.
Счастье моё. Горе моё.
Безответная любовь моя.

Нет слов на свете, которые могли бы
Выразить со всей полнотой чувства мои,
Отношение к тебе.

Но черный конь встал на дыбы,
Адольфа к власти привели,
И он пропал в мире теней,
Нет сил России посильней!

Ведь Гитлер, вопреки судьбе,
Гражданства немца не имея,
Пришел уверенно к звезде
Корону мира гладить смея.

Европа с Гитлером была,
Всем помогала, как могла,
Но князь грузинский бросил в бой,
Того, кто мог сражаться с тьмой.

Был победитель из солдат,
Великий Рим хотел воздвигнуть,
Но Сталинградский снегопад
Помог идее Рейха сгинуть.

Да! Третий Рим не устоял.
Наполеон иль Шикльгрубер,
Но мир ни капли не устал
От крика всадников безумных.

И черный всадник не помог,
Второй истории урок.
Остался рыжий конь в узде,
Но его всадник, где же, где?

Кого-то рыжий конь зовет
На бой, где нет гнилой свободы,
Может хоть третьему свезет,
И содрогнутся неба своды.

ВСАДНИК

Этот всадник на белом коне
Из откровений Иоанна,
Сам Бонапарт верный себе
С присягой лютого смутьяна.

Награды мира покорил,
Россию только зря тревожил,
Все армии тогда разбил,
Но Корсика и Русь...
Ведь не одно и то же....

За ним и Пруссия пошла,
И Австрияки помогали.
Весь мир хотел спалить дотла.....,
Москву. Иль вы другого ждали?

Великий всадник давит мир,
Но ножка малого размера.
Уйдет в забвение кумир,
Как крики злого Робеспьера.

Как жаль, что Иоанн не внял,
Тем всадникам, что давят тени,
Ведь Бог и всадника прибрал,
Наследникам не дав имений.

Ушел в ту даль Наполеон,
Откуда больше не вернуться...
Он и на небе обделен,
Без армии и власти груза.

Не пугайся слов признания,
Не стыдись того, что не можешь ни чем
Заплатить за них.
Ни словом ласковым
Ни состраданием.

Платить не надо.

Я смирился с безответностью
любови своей,
Голубой тоской залил страсть мою.
Моя любовь не обожжёт тебя пламенем.
Она как зарево переливается
Цветами мягкими далёких стихий.

Нежно касается она багряным отсветом
Обнаженных губ твоих, рук твоих,
плеч твоих.
Она легким дуновением ветерка теплого
Обнимает тебя.
И ты улыбаешься доброте всего этого,
Не догадываясь, что всё это –
моя любовь.

Мне плохо. Я в постели. У меня
страшный жар.
В сумасшедшем ритме колотится сердце.
Трудно управлять мыслями.
Они возникают сами собой, оттесняя
друг друга.

Я всё время решаю вопрос:
материальна ли любовь?
Объективна ли она как реальность,
данная нам в ощущениях?
Может ли существовать вне нас,
независимо от нас?

Да, может! Конечно, может!
Огромное чувство, рождённое
в недрах человеческой души —
это тот новый вид материи, который,
излучаясь, отрывается от нас
и, независимо от расстояния, находит
из миллионов и миллиардов
живых существ то, одно, которому
предназначен.
Так было и так будет, пока
существует живое.

А человек? Увы! Он находит в себе силы
породить этот феномен только
перед смертью.

Такова жестокая статистика психологии.

Я не собираюсь умирать.
У меня ещё много дел.
Но когда придется делать последний
расчет,
Самым большим событием на весах
жизни моей будешь ты,
Самой главной наградой — любовь к тебе.

РЫЦАРЯМ ПЛАЩА И КИНЖАЛА

Рыцарь плаща и кинжала,
Холодный, отточенный взгляд,
Воин, что без забрала,
Наемник, слуга и солдат.

Филеры древнего Рима
Сражались в кровавой войне,
С душами пилигримов
Бились в своей же стране.

Холодное без жалости сердце,
Пронзительный этот взгляд,
Свое занимает место
Под солнцем, как говорят.

Впиваются в империю спруты,
Но филеры присяге верны,
Серьезное дело распутать,
Фискалы государству нужны.

И будут жить двойной жизнью,
Рождаться и погибать,
Без благодати солдаты, —
Империям не умирать!

Запомню, как я целовал
Ту плоть, что нежно трепетала.
Я помню, как тогда устал,
Но вечно страстной было мало...

ОСТАТКИ РОЗ

Останки роз лежат в земле
Останки роз давно умерших.
В такой тревожной пустоте
Цветущих дней, давно прошедших.

В грязи лежали лепестки,
Как будто что-то говорили,
О вечной дружбе и любви,
Которой нимфы одарили.

Смотрели дружно в мир иной,
Где без цветов уходит осень,
И цвет у неба не такой,
Как будто радости не просит.

Лежало кладбище цветов
В надежном, отдаленном месте,
Тут было ясно все без слов,
Без слов, когда цветы на месте.

Лежало кладбище любви,
Туда лишь прилетали птицы,
Им отдавали дань они
За то, что были не в теплицах.

Я соберу воедино образ твой
Из миллионов клеток твоих,
Налюбуюсь легким колебанием
изображенья твоего,

Окуну голову свою
В облачный пух мягких волос твоих
И вместе с остановкой сердца моего
Отпущу любовь мою,
Как продолжение жизни своей.

И любовь моя,
В мерном колыпании дымки призрачной,
Излучая свет мерцающий,
Только мне да тебе видимый,
Нежно погладит вуалью твоих локонов
Обездоленное Я с опустевшим сердцем,
И, попрощавшись со мной,
Отправится в путь к тебе.

И найдет тебя,
Разбудит нежным прикосновением,
И ты узнаешь, наконец,
Силу любви моей.

И, выполняя наказ завещанный,
Воплощая мечту жизни моей,
Любовь моя будет вечно с тобой,
Охраняя тебя от невзгод незаслуженных.

А когда придёт и твой черед,
 Впустишь ты в сердце любовь мою,
 И в последний раз
 Вспыхнет кровь твоя
 Страстью юности.
 То любовь моя
 Породит в душе твоей
 Чувство ответное.

И сольются они
 В неразрывном сплетении цветов радуги,
 Обласкают тебя прощальными ласками
 И отправятся в вечные странствия.

И там, где появятся они,
 Цветы вырастут.
 Там, где проплывут они в дымке
 предутренней,
 След останется нежно радужный.

А того, кого коснутся они,
 Тот познает блаженство добра
 душевного,
 Счастья истинной любви человеческой.

Не стрелы амура
 Вдруг пронзят сердце юноши.
 Это наша любовь вдохнет в грудь его
 Содержание новое, незнакомое.
 Это наша любовь
 Будет вечным источником
 Пробуждения и цветения
 Молодых сердец.

Жарко!!!

Моя рука за ухом той,
 Которая тепло мне дарит,
 Подарит мне еще покой,
 Что сердца уберет печали.

А у неё такой пушок!
 Царица нежности и ласки.
 Так стану я не одинок
 Без верности, — такие сказки.

ЭТУ НОЧЬ...

Тяжелый будний день любви,
 В раз заберет остатки силы.
 Венера, плоть «благослови»
 С любовью быть мне до могилы.

Плоть влажная, целуй меня.
 Целуй, как можешь, как учили,
 Учили те, кто до меня
 Тебя в постель пройти просили.

Я не забуду эту ночь,
 И губы — счастья поцелуя.
 Потом уйду, как прежде прочь
 С очаровательным безумьем.

Я эту ночь с собой возьму
 В остатки падшего сознания.
 В сознание, как я там люблю,
 Люблю внезапные свиданья.

Я слышу музыку с небес,
Похоже, — это фортепьяно.
Я вижу множество чудес,
Но ритм у снов немного рваный.

Запомнит память навсегда
Музыки прекрасные мгновенья,
И озарит меня звезда,
В которой с Богом единенье.

Уединенья сладкий миг —
Он душу в Господе возвысит,
А ноты, словно горний крик,
Талант поэзии превысит.

Запомню белый, белый свет,
Который ночь мне подарила.
Я спал, но видел лишь рассвет,
Другое память позабыла.

НЕ ОДИНОК

Я всеми брошен, одинок,
Но кошка ноги мне согреет,
В ней есть какой-то уголек,
Что где-то с шерстью рядом тлеет.

Она запрыгнет на меня,
И станет песенку мурлыкать,
Про то, что не один здесь я,
Чрез грудку ласково пиликать.

«СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗЫ И БЫЛИ»

ПОЙТЕ

Пойте! Пропойте псалмы!
Пойте про то, что не с нами.
Пойте: «Мы Богу нужны».
Пойте, и Бог уже с вами.

Пойте про ту благодать,
Пойте про праздники рая.
Смейте себя ублажать
Тем, чем Боже желает.

Пойте, изо всех сил
Душу свою наполняя.
Пойте про то, как любил
Бог, сына отдавая.

Пойте про свою мощь,
Мощь духовной вселенной.
Пойте про сатаны дрожь,
Пойте о враге презренном.

Пойте, спасая себя
От сумашедшего ада.
Пойте только любя,
Чтобы Сын Бога был рядом.

В МИР РАЯ

Пусть грянет гром, заряд небесный,
Ударит молния в меня,
Пусть заберет меня Господь,
Как многогрешного раба.
Я хочу выше, вверх, к Вселенной!
Хотел бы неба, чистоты,
Хочу уйти в покой забвенья,
В мир тишины, уединенья.
Хочу оставить этот мир.
Уйти отсюда в царство Бога,
В мир света, красоты, любви,
В мир рая и своей мечты.

Я МОЛЮ

Я молю Тебя, Господь,
Дай сгореть в огне мне этом,
Дай страданий от тепла,
Дай мне страсти и огня,
Я хочу остаться в нем,
После я останусь пеплом.
Лучше мне сгореть сейчас,
Чем потом всю жизнь в снегах,
В лицемерье и расчете,
Не хочу прожить в болоте,
Не могу существовать.
Я хочу любви опять.

ВОСКРЕСНИ!

Пусть ангелы всем улыбнутся дружно
На праздник светлой Пасхи с Рождеством,
Пусть в церквах станет очень многолюдно,
И возликует каждый Божий дом.

Прольется Свет Небес багряной кровью,
Воскреснет вся Россия для тебя,
Для человека с чистою душою,
А не для византийского орла.

Двуглавые орлы уже прожили
Свой византийский жизненный обман,
И сколько бы они еще ни жили,
Орлы для русских жизненный туман.

Восток и запад с флангов обнимают,
Гибнет страна в зените солнца мира,
Пусть северные ветры завывают,
Воскресни просто, ласково, красиво.

СОН

В сон клонит голову мою,
Я ничего не понимаю,
О том, что у пелены в плену,
Что молча дух мой наполняет.

Слипаются мои глаза,
И забывают все земное,
И нет во мне инвентаря,
Чтоб сон увидеть про былое.